

Никто, кроме нас! Российский спецназ!

СЕРГЕЙ Зверев

БАСТИОН
Таежный спрут

Бастион

Сергей Зверев
Таежный спрут

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Таежный спрут / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Бастион)

«Бастион» – тайная полувоенная организация, противостоящая правящей в стране коррумпированной группировке «Орден». Дина Красилина, секретный агент «Бастиона», под видом журналистки отправляется на задание. Вертолет, в котором она летела, совершает вынужденную посадку в тайге. Спасаясь от вооруженных бандитов, Красилина теряет в тайге и набредает на какие-то жилые строения. Там ей удается подслушать разговор о некой базе, на которой готовят зомбированных «суперсолдат». В одном из говоривших Красилина узнает начальника дальневосточной группы «Бастиона» и понимает, что щупальца «Ордена» уже проникли в «Бастион»...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Красилина Д.А.	5
Туманов П.И.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Таежный спрут

«Прошлое... связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого».

А.П. Чехов

Красилина Д.А.

Безумный день – и никакой женитьбы. Сплошная акробатика. Чертовски неудобная поза – ноги сверху и где-то сзади, подбородок в торфяной жиже, руки в стороны. В голове карусель – пони бегают по кругу. И куда ж я провалилась? Я попробовала подтянуть ноги, но посыпались камни, а сверху опять разгорелись страсти: топот, стрельба, кто-то дико заверещал над обрывом – пришлось замереть и начать вялый аутотренинг.

Предупреждали умные люди: кругосветное путешествие, Диночка, обойдется гораздо дешевле, если совершишь его мысленно. А тебя опять понесло в страну пепелищ да всеобщего равенства перед богом. Как будто не знала, чем кончится.

Какой-то дикообраз впился в правую голень и стал ее нещадно терзать. Судорога поползла по ноге, неумолимо приближаясь к бедренной кости. Пришлось перевернуться и тряхнуть ногой. Что и повлекло новую осыпь, которая очень некстати меня подхватила и понесла дальше по откосу. А что внизу? Трясина, обрыв, вепри? Ночь на дворе, не видно ни зги. Да еще этот парень с автоматом, которому я подставила подножку. Он пытался меня сцапать, я увернулась, вытянула ногу, ну он и полетел с богом. А я за ним – с одной мыслью в голове: у тебя, дорогая, теперь такая насыщенная жизнь... Видеть его не хочу.

Но помнить надо. Где он теперь? В расщелину скатился? И подниматься не торопится. Я затормозила, уцепившись за какую-то ветку, скрючилась улиткой и снова застыла. Прошло минут пять. Судорога рассосалась. Крики над обрывом постепенно затихали, и парень, загремевший с моей легкой ноги, не подавал признаков жизни. Можно подниматься. Нет, я, конечно, не против полежать немного в земле (пора и привыкать, скоро сорок, не девочка), но опять же – немного и, как бы это выразиться, – под настроение.

Паршивое занятие – тонуть в страхе. Я осторожно поднялась на колени. И что мы имеем в этой глуши? На голове колтун, сумку потеряла, ребра болят. Я находилась на склоне ущелья, поросшего густым лесом. Небо подмигивало яркими выпуклыми звездами. Под обрывом, куда я благополучно сверзилась, грудились кусты – через них я и пыталась проехать на пузе. Остальное пространство поросло деревьями – слева, справа... Та же картинка и напротив, на соседнем склоне – сплошная масса леса, уходящая к далекой круче гигантского, какого-то нереального в своей масштабности каньона. (Подобную картину, снятую при дневном свете, я наблюдала на развороте журнала «Нэшнл джиогрэфик». Если память не изменяет, там речь шла об ущелье Такома в штате Вашингтон, а не о Восточной Сибири.)

А что подо мной? Метрах в сорока, сквозь бреши в кустах, виднелись каменные завалы, но что под ними – распадок? Река? Болото? Обвальная спуск в новую бездну?

До меня еще не дошел весь ужас положения. Я была взвинчена. Нападение на пассажиров «вертушки», демоны в черном, хватающие людей, падение с обрыва... Но голова отчасти работала, соображала, подсказывая, что пора отсюда сматываться. Как была на четвереньках, отползла в сторону и, виляя между низкорослыми, плотно растущими кустами, очень быстро сменила позицию. Теперь над головой маячил не обрыв, а кромка леса. Стало еще страшнее,

и под ложечкой тоскливо заныло. Густая ночь и полное неведение местности (в том числе ее фауны), черные демоны с автоматами...

Джинсовая курточка, предусмотрительно надетая еще в Иркутске, практически не грела. Дневная жара в этих краях не влияет на ночную температуру: ночки прохладные. Не колотун, как в межсезонье, но все равно неприятно. Я побродила по опушке, то и дело натываясь на торчащие из земли валежины, потом села, наострив уши, и попыталась сосредоточиться. Никаких звуков со стороны вертолетной площадки. Подняться наверх? Представив перспективу новой встречи с черными парнями (они на моих глазах пристрелили обоих пилотов!), я вздрогнула и неправильно перекрестилась. Натаскав сухих еловых лап, улеглась и постаралась занять как можно меньше места. Если лучшее тепло – тепло человеческого тела, то почему нельзя согреться от самой себя?

Но озноб не унимался, мелкие иглы щипали кожу. Всем известно – каждая вещь должна лежать на своем месте. Книга – на полке, муж – на диване, Дина Александровна Красилина – либо в гамаке в яблоневом садике близ Старо Гряцо (в Южной Чехии), либо на кушетке под теплыми руками массажиста Даниэля Гунчека.

Но только не в тайге. Во сырой земле, среди жужжания комаров, врагов и чувства безысходности – Дина Александровна Красилина лежать НЕ ДОЛЖНА.

Належалась, поди. Набегалась. Вся жизнь моя пронеслась перед глазами. Неужто умираю – вижу жизнь свою?.. Какое мне дело, что таинственная организация под названием Орден, руководимая кучкой продвинутых граждан, именующих себя Капитулом, затащила страну в болото? ТERRORИзирует остальной мир хитроумным препаратом на основе психостимулятора и синтетической дури со свойствами галлюциногена? Какое мне дело, что их разделала в пух и прах маломощная лавочка под названием «Бастион»? Принадлежность к последней меня нисколько не радует. Лучше бы этого не было. Ни изматывающей тоски по пропавшему Туманову, ни жизни без радостей, ни воспоминаний, в которых так просто захлебнуться... База подготовки мозговой атаки на сограждан – и побег на пару через прелести тайги. Подобранный меня с Тумановым «Бастион» – и работа на благо Родины, от которой тошнит. Вялотекущий переворот, когда страну в очередной раз надули; зверства «патриотов» и их зомбированных «послушников». Тоскливая эмиграция в смиренной Чехии – до того момента, пока не вышла статья с моим попаданием в десятку: Россия скармливает миру пакостное зелье! Жиреющий мир теряет последние мозги! И с этого дня эмиграция отнюдь не тоскливая: череда покушений на мою дражайшую жизнь – взрывы, пальба, засады... Спасибо Андрею Васильевичу – посланцу «Бастиона» – вытащил меня из пекла. Кому сейчас интересно, ЧЬЯ каторжная работа помогла перечислить поименно членов Капитула? Кто помнит о переговорах Ордена с представителями Европарламента и о том, КТО загнал в угол двух компетентных чинуш, сидящих на информации? ЧТО позволило рассекретить группу Казанцева-Беляева, перебить их к чертовой матери и в итоге свалить засидевшийся у власти Национал-патриотический фронт? Благодарности и то не зачитали! Подставили, как всегда, под пули, и кабы Андрей Васильевич не закрыл меня грудью, то все бы и закончилось. Зачем он это сделал? Не лежала бы сейчас во сырой земле в тысяче верст от ближайших цивилизованных мест...

Последовавшая за прозрением беззвучная истерика – с глотанием слез и катанием по лапнику – позволила мне чуточку согреться.

Андрей Васильевич застрелился на втором месяце нашей «счастливой» совместной жизни – прямо в инвалидном кресле, на мансарде уютного домика под Старо Гряцо. Он выбрал удобный момент – Антошка с пани Эммой (благообразной тетечкой, подsunутой нам в качестве гувернантки) уехал в Лядно, а я ушла за покупками. Когда вернулась, он сидел перед телевизором, укрытый пледом, на коленях покоилась фотография Алёны в коралловом переплете, на полу – коротышка «браунинг», а красивые уста Андрея Васильевича украшала грустная и

немного ироничная улыбка. «Не сердись, крошка, – написал он в предсмертной записке каллиграфическим почерком (ненавижу, когда меня называют крошкой), – ты сама понимаешь, это прекрасный выход для нас обоих. Зачем тебе обуза? Зачем мне жизнь в четырех стенах? Согласись...» Он был весьма сведущим человеком. И не мог не знать, к какому выводу пришел консилиум эскулапов хирургического отделения местной больницы: полная парализация нижней части туловища с возможными осложнениями в верхней. Вот и торопился Андрей Васильевич – покуда рука держала револьвер...

Какое нужно иметь мужество оставаться хрупкой бабой! Я взяла себя в руки, позвонила на мобильник Эмме с наказом увезти Антошку как можно дальше и ничего не говорить, вызвала полицию, «Скорую», закрыла говорилку и только после этого упала на кровать, чтобы забиться в истерике... Никто из «Бастиона» не прибыл на похороны. Всё прошло тихо, под шелест кладбищенских осинок. На церемонии присутствовали рано повзрослевший Антошка, я, поп Густав из местного прихода да пара каких-то кумушек с соседней улицы. На следующей неделе я продолжала носить траур. В черном одеянии, выгодно подчеркивающим вдовью изможденность, я ворвалась в одну из квартир над кабачком «Лангусты и омары» на Староместской площади в Праге. Там проживал некто Варягин, деятель от «Бастиона», глаза б мои его не видели. «Как вы меня нашли?» – он пребывал в замешательстве. Кутался в халат и старательно отводил глаза. «По запаху, – процедила я, – здесь пахнет предательством и совершенным наплевательством на судьбы своих товарищей. И не просто пахнет – воняет за версту». «Проходите, пани Шмидт», – Варягин с тоскливым вздохом посторонился. «И пройду!» – рявкнула я... Разумеется, беседа прошла на повышенных тонах. На другой день, как особа пробивная и имеющая некоторые заслуги перед «Бастионом», я была допущена под заплывающие поволокой очи шефа Пражского бюро. Старик также сидел в инвалидном кресле, на коленях его покоился дорогой плед, но, в отличие от Андрея Васильевича, он был жив. Я бы предпочла поменять их местами.

– Вы должны понять, Дина Александровна, до стабильности еще далековато и времена смутные. «Бастион» не имеет права светиться. А вы не имеете права обливать нас грязью. Ваши заслуги учтены, вам дарован дом с лифтом, садом и двумя спальнями; гражданство, полноценный отдых, разве не справедливо? Тогда почему же...

– Ваши люди сидят в Кремле, Юрий Иванович. По моим понятиям, там всё закончено, нация спасена, – возмущенно заявила я.

Морщинистая улыбка озарила изуродованное временем лицо старца.

– Было бы болото, Дина Александровна, а черти будут. Не мне вам объяснять, какие катаклизмы влечет за собой любая смена режимов. НПФ низложен, но недобитки на каждом углу и пакостят со всем усердием. Вы пришли поговорить?

– Я пришла проситься на родину, – твердо сказала я.

Шеф не стал задавать глупых вопросов. Он долго изучал мою каменную физиономию и в конце концов пришел к тому же выводу, что и я, стоя давеча перед зеркалом. Конечно, он не был глупцом.

– Мы подумаем, – медленно произнес старик.

– А также мне нужна информация о человеке по фамилии Туманов. Павел Игоревич Туманов. Он долгое время работал на «Бастион». В верхах не могут о нем не знать.

Старик кивнул.

– Хорошо, мы наведем справки.

– Это не все, – наглела я. – Мой сын очень впечатлительный мальчик, смерть Андрея Васильевича серьезно повлияла на его психику... И поэтому, знаете, везти ребенка за тридевять земель, за дальнейшими потрясениями... – тут я слегка зарделась, – было бы не по-матерински. Кроме того, у него имеются друзья в Чехии...

– Ремня ему надо, – проницательно заметил старик.

Совершенно верно, разведчики хреновы.

– Поэтому будет неплохо, если моего мальчика пристроят в лицей при университете в Шватлоу. Говорят, там сносный пансион и перспективы... А с учетом моих заслуг перед Родиной... – тут я окончательно покраснела.

Старик не выдержал, рассмеялся.

– А вы, погляжу, не простых свиной, Дина Александровна...

– Итак? – Я встала в позу, изображая обиженную добродетель. Каких я свиной, это вскрытие покажет.

– Хорошо, – шеф миролюбиво опустил голову. – Мы подумаем.

Прошло пять дней. Я возвращалась своим ходом из Шватлоу. Шел снежок, мелькали телефонные будки. Всю дорогу мне не давала покоя одна надоедливая мысль. Вернее, картинка в голове. Уж больно возбужденным казался мой Антошка в момент расставания. Складывалось впечатление, что его больше волнует не предстоящее исчезновение матери (как минимум на полгода), а грядущая встреча с одной обесцвеченной и обезличенной блондинкой, которая, по данным моей разведки, проживала в соседнем общежитии и имела на Антошку каверзные виды. Уж не планируют ли некоторые сопливые личности сотворить через пару лет из Дины Александровны бабушку?

Оставалось утешаться: кто не был глупым, тот не был молодым. Пребывая в задумчивости, я подрулила на «Фольксвагене» Андрея Васильевича к гаражу и привычно воспользовалась пультом. Ворота вздрогнули.

Пронзительное «мя-яу!!!» огласило сонную улочку. Я спохватилась, выбежала из машины и извлекла из ржавых петель соседскую кошечку Пэпочку – любимицу толстоногой пани Ляшкова. У Пэпочки было одно необычное пристрастие – она с большим аппетитом грызла помидорную рассаду. Причем не чужую, а именно свою, хозяйскую – как наиболее вкусную. Ученые этому феномену объяснения не находили, а пристрелить было жалко. Вот пани Ляшкова и привязывала свою кошечку бинтами к крыльцу, и бедное животное битых два месяца, пока не вызревали помидоры, кругами вокруг него курсировало, словно кот ученый вокруг дуба, и дико орало.

С наступлением декабря надобность в бинтах отпадала, и Пэпочка со скуки начинала делать подкопы под чужие гаражи. Я зашвырнула ее подальше и вернулась к машине.

Села за руль, взяла брелок. И вдруг онемела... Я уже не одна была в автомобиле! Чья-то рука улеглась поверх моей и несильно сжала. Но заорать я не успела. Сидящий рядом проникновенно произнес пароль:

– Эта дорога до церкви Святой Троицы?

– Я не местная... – промямлила я и громко икнула. От вибрации сработал брелок: ворота затрещали и поползли вверх.

– Шуточки у вас... – Я облегченно вздохнула и откинулась на сиденье.

– Проверочка, пани Шмидт. – У очередного гонца от «Бастиона» была солидная куртка, цепкие глаза и как бы высушенное ветром (проще говоря, вяленое) лицо. – И не в вашу пользу. Вы начинаете терять сноровку.

– Чем обязана? – Я почувствовала злость. Есть такие экстремофилы, или как их там, словом, любители прогуляться по остренькому. Но я не из них. Я, как бы это выразиться... других свиной.

– Вы продолжаете хотеть в Россию? – осведомился собеседник.

– Продолжаю... – я нервно сглотнула, – хотеть.

– Я понимаю, коллега. И калачи приедаются. – Собеседник завозился и извлек из-за пазухи пухленький пакет. – Возьмите, пожалуйста.

Я взяла.

– Могу вас поздравить. Это документы, в том числе паспорт с визами, билет и некоторые рекомендации на будущее. Плюс немного денег. Отныне вы Ушакова Любовь Александровна. Так решено, коллега, не извольте спорить.

Я уныло молчала. Ладно, хоть отчество оставили.

– Новый год будете встречать в Москве. Сочувствую, конечно, но вы самиnapросились.

– Спасибо... А что значит – рекомендации? – не поняла я.

Гонец улыбнулся сушеной улыбочкой.

– Вы не хотите быть безработной? Помните? – от тюрьмы, сумы, безработицы... Ладно, шучу. Вы были и остаетесь сотрудницей известной конторы. Где бы ни находились. От этого никуда не уйти, дорогая Любовь Александровна... – Связник с задумчивым видом щелкнул по носу резинового утенка, висящего на стекле. – Не спрятаться, как говорится, не скрыться...

О, боже. Впрочем, на что мне рассчитывать? На беготню овса за брюхом? Я закрыла глаза.

– Вы навели справки о Туманове?

Гонец помолчал.

– Так точно. – Он снова помолчал. – Вас пощадить?

Я почувствовала вселенскую пустоту, подгребающую к горлу. Пока она не проглотила меня целиком, я успела прошептать:

– Не надо меня щадить... Говорите...

– Нет, я вас пощажу, – смиловился гонец. – Павел Игоревич Туманов в ночь переворота выполнял ответственное задание. Он с честью его выполнил, но... ему немного не повезло. Автомобиль, в котором он ехал... м-м, взорвался.

– Дальше. – Я попробовала открыть глаза, но они не открывались.

– При осмотре места происшествия человеческих останков не обнаружено.

– Это как? – Мои глаза открылись.

Связник рассматривал меня пристально и без жалости.

– Был мощный пожар, машина сгорела. При какой температуре человеческие кости превращаются в прах – простите, Любовь Александровна, – не знаю. Выводы сделаете сами. Когда узнаете. Вы не передумали ехать в Россию?

Сердце билось с какими-то подозрительными шумами. И намного слабее обычного. Зачем я так себя напрягаю?

«Пусть ночь наша будет темна и слепа,
Но все же, клянусь головою,
История наша не знает клопа,
Покончившего с собою...»

И это правильно. Жить надо даже ради чашки кофе по утрам.

– Нет, – прошептала я. – Не передумала. И никогда не передумаю. И пошли вы все к дьяволу.

Выдающихся масштабных бедствий, вопреки ожиданиям, на исторической родине не происходило. Социальные недомогания и криминальные разборки, царящие на земле предков, оказались обычным нефтяным пятном, расплывшимся по водной глади, и придавали происходящему лишь дополнительную вонь, подчеркивая местный колорит.

Начальником московского бюро был Георгий Михайлович Пустовой – седовласый джиннопоподобный старик, ведущий сидячий образ жизни. Я с ним виделась лишь однажды – сразу по прибытии. Он сидел за обычным письменным столом, погруженный в думы о Родине, а я стояла перед ним навтыжку и пыталась найти общий язык.

– Я просмотрю ваше дело, Любовь Александровна, – на десятой минуте беседы очнулся старик. – Идите работайте. Вам объяснят ваши задачи.

– Походите по городу, осмотритесь, – посоветовал мой непосредственный шеф, молодой еще, но зацикленный на работе Герман Игоревич Бережнов. – В пределах Садового кольца за вашу безопасность ручаюсь. А вот дальше не советуем. И не забудьте намазать нос оксолиновой мазью – грипп свирепствует.

Я походила, осмотрелась.

– Послушайте, Герман Игоревич, – озадаченная, стала я наезжать на шефа через неделю. – Я, конечно, не застала все прелести правления национал-патриотов, но, поверьте, по долгу службы имею о них достаточную информацию. Чем нынешний режим отличается от предыдущего?

Герман Игоревич не обиделся. Он рассмеялся.

– Уже тем, Любовь Александровна, что, задав этот вопрос, вы не пойдете по этапу. Даже если будете намеренно нарываться. А если серьезно... Главное отличие – нынешний режим вмняем. Он провозглашает возврат к общечеловеческим ценностям, к демократии, социальной справедливости, здоровому патриотизму... А отнюдь не к хроническому идиотизму.

– Демократии? – удивилась я.

– Со временем, – Герман Игоревич деликатно кашлянул. – Необходимо удержать власть. Досталась она легко, не спору. Режим НПФ рухнул, как здание без опоры. Жестокое сопротивление оказывалось только в Москве, в остальных городах смена администраций и глав силовых структур проходила относительно гладко. Вы не поверите, Любовь Александровна, крупные функционеры фронта либо бесследно исчезали, либо кончали с собой.

«Ага, – подумала я, – двумя пулями. В затылок».

– Остальные затаились и ждут сигнала. Согласитесь, в таких условиях демократия неэффективна. Хотя могу с уверенностью сказать, есть устойчивая динамика...

Впрочем, следы нового (или забытого старого) уже появлялись. С динамикой или без заработали коммунальные службы. В людных местах появилась реклама, народ осмелел и уже не терся к стеночкам, забитый и униженный. По улицам бродили армейские патрули, но проблем не создавали – являясь как бы отличительной приметой времени. Потянулась «гуманитарка» с Запада: сначала тоненькой струйкой, потом пошире. Объявились коммерсанты (новейшие русские), фирмы, фирмочки, кооперативы. Жизнь, по крайней мере в столице, вошла в русло.

Но положение оставалось тяжелым. Такого разгула криминала Россия еще не знала. Если в городах его удавалось хоть как-то сдерживать, то в пригородах и провинциях бардак царил полнейший. На месте преступления уже не расстреливали, Запад не велел, а это, как ни крути, поощряло. Расцвел сатанизм – теперь каждая церковь, дабы не потерять паству и имущество, была вынуждена содержать вооруженных милиционеров или хотя бы слыть клиентом охранных структур. Эпидемия гриппа прошла, как саранча по полям, уложив на кровать каждого десятого, в могилу – каждого сотого. Хваленые «Иваны-первопечатники» предыдущих кормчих теряли в весе, на деминацию и ввод в обращение новых знаков сил не хватало. Доллар возымел право на жизнь, но массового появления валюты у населения не отмечалось – старые кубышки давно опустели, а новые «зеленые» стоили баснословно. Кавказ полыхал, как и четыре года назад. Ситуация складывалась парадоксальная: достичь победы не удавалось, а отвод войск стал бы стопроцентной глупостью: невзирая на кордоны и «санитарные пояса», война неизбежно перекинулась бы на Кубань со Ставрополем. Попутно с бывшей здравницей возникали новые очаги: то Башкирия начинала присматриваться к разрезу глаз своих «ком-патриотов», то Бурятия нектати вспоминала, что в сорок четвертом ее вилами загнали в Союз. Отдавать задаром территории было бы некрасиво. Поэтому новая верхушка (представленная

в основном силовиками) была вынуждена крутиться: и Западу поддакивать, и не забывать про наработки предшественников.

На фоне этого разгула я тихо-мирно встретила Новый год – в компании кислого шампанского и ободранных стен. Жилище мне определили в Митине – в однокомнатной квартире на последнем, десятом, этаже, где постоянно с потолка что-то капало и сразу замерзало. Или наоборот – замерзало, а потом отваливалось. До прихода «патриотов» в этих стенах проживал программист с неблагозвучной фамилией Давидович, после него какой-то прибалтненый «передовой рабочий» по фамилии Симашкин. Но, видно, оказался не столько передовым, сколько фуфлыжником – с приходом новой власти скоропалительно исчез, а квартиру прибрал «Бастион» – в качестве жилищного резерва для таких, как я.

На работу меня увозил «конторский» автобус, обратно доставлял он же, забитый уставшими коллегами. Деликатные мужчины провожали меня до квартиры, иногда я предлагала им выпить чаю, но при этом не забывала предупреждать, что в таком случае им придется добираться до дому своим ходом. Если это можно назвать личной жизнью, то подобие таковой у меня имелось. Лучше, чем никакой.

Контора располагалась недалеко от станции метро «Проспект Мира». Серое здание эпохи сталинского классицизма – некогда институт стандартизации, в наши дни – квазивоенное заведение под вывеской филиала департамента военного бюджета и финансирования МО, а на деле – контрразведка со всеми вытекающими. Меня определили в «китайский» отдел. Кроме того, существовали «западный», «ориентальный» и самый внушительный – «внутренний». А также множество подотчетных отдельчиков и конторок. Вряд ли есть смысл расписывать мою деятельность, да и длилась она ничтожно мало – до середины февраля. В связи с частичной «декомпьютеризацией», кою придумали и осуществили прежние власти, пришлось разгрести тонны бумаг. Слежка за официальными деятелями КНР, доклады сексотов, истлевшие акты, рапорты, отчеты, бумаги по отслеживанию китаизации родной территории. Все это систематизировалось, по возможности проверялось и загонялось в базу данных. Аллергию на пыль я заработала. Но в целом – не скулила, повода не было. Ни к практической работе, ни к командировкам в «горячие точки» меня не привлекали. Видимо, о «способностях» новой сотрудницы московские товарищи пока не ведали.

Второго февраля я отметила тридцать восьмую годовщину своего существования. Были скромные букетики, уверения в том, что я выгляжу на тридцать два, ну, максимум на тридцать семь... А вечер я провела в одиночестве – перед казенным трюмо с инвентарным номером «АД-568904», в окружении ободранных стен, тараканов и кислого шампанского. Короткостриженная сотоварка по несчастьям, смотрящая из зеркала, была печальна как никогда. У нее был курносый нос, костлявые пальцы и смешная фигура астенического типа (это когда продольные размеры доминируют над поперечными). Чем-то она меня тронула. То ли тоской во взоре, то ли дырявыми трико из гардероба «передового рабочего». В итоге я навела ей маникюр, сделала макияж, а потом благополучно наклюкалась, завершив зимний вечер в Митине проливными рыданиями...

Наутро с больной головой нанесла визит начальнику секретной части – лысому и печальному Сурикову.

– Вы приходите в восьмой раз, Любовь Александровна, – нервно выпалил начсек. – Сколько можно повторять – я не знаю, где ваш Туманов и жив ли он. В Энске его нет, и в Красноярске его нет. А также нет его в Москве, Петербурге, Улан-Удэ, Диксоне и Петропавловске-Камчатском, не говоря уж о таких городах Российской Федерации, как Воронеж, Салехард, Воркута, Самара и многие, многие другие. Не приходите ко мне больше, Любовь Александровна.

– Ну а вдруг он объявится? – с тоской промямлила я.

– О, это будет праздник для всех нас. Вы узнаете об этом в первую очередь. Всё, идите, работайте, – начсек вытер рукавом взопревший лоб.

«Зачем я сюда приехала? – Впервые эта мысль показалась мне настолько убедительной, что я поразилась. – Почему?»

Вечером я дозвонилась до колледжа в Шватлоу.

– С днем варенья, маман, – поприветствовал меня сынок. – Ты как там?

– У меня всё хорошо, – завела я, – квартира у меня большая, работа интересная, люди здесь приветливые, добрые, проверенные...

– И круглый год цветут сливы, – нетерпеливо перебил Антошка. – Завидую я тебе, мать. А у меня, знаешь, проблемы.

– Что такое? – встревожилась я.

– Ну, как тебе сказать... – Антошка как-то по-стариковски закричал. – Во-первых, я расстался с любимой девушкой, и поэтому учиться решительно не хочу. А, во-вторых, ловлю себя на мысли, маман, что начинаю забывать русские слова. «Нудлова полевка» помню, а вот «лапша» – не помню...

«Бредит», – решила я.

– Это я к тому веду, мать, чтобы ты не вешала мне ее на уши. Про работу там, про квартиру...

– Да нет, правда... – возмутилась я.

– Да ну тебя, – он пренебрежительно фыркнул. – Ты бы это, маман... – сынуля опять в несвойственной ему манере закричал, – ты бы приезжала сюда, что ли... А то я это... – он пыжился, пыжился, а потом через силу выдал слово, ну совсем не из своего лексикона, – скучаю...

Я опять редела весь вечер напролет. Пила водку с тараканом (помните старинный обычай? – привязываешь его за ниточку, то отпускаешь, то натягиваешь – за встречу, за отъезд). Через полмесяца не выдержала. Серые стены и мрачные люди действовали разъедающе – как канцероген.

– Хочу обратно в Чехию! – заявила я Бережнову открытым текстом. – Там от меня будет больше пользы.

– Вот как? – нахмурился шеф. – На Родине хорошо, а дома лучше? Сомневаюсь, Любовь Александровна, сомневаюсь. Главная наша работа – в России. Предстоит ударными темпами наладить нормальную жизнь в крупных городах. А это предполагает неустанный поиск врагов... Просто не верится! – шеф сменил тон. – Что такая сознательная и привлекательная женщина норовит нас покинуть. Вы – украшение этажа, коллега!

Ох, натерпелась я этих комплиментов...

– Итак, мне отказано, – пробормотала я.

– Работайте, работайте, – начальник небрежным жестом дал понять, что разговор окончен.

Но в день Советской Армии и Военно-Морского флота он вызвал меня к себе.

– Хотите поздравить? – буркнула я.

– Если вас не устраивает работа в Москве, – игнорируя мои остроты, начал Бережнов, – есть возможность поехать в Сибирь. Либо Энск, либо...

– Только не Энск, – ахнула я.

Шеф уставился на меня с некоторым интересом. Хотя и не без раздражения.

– Он стоит на радоновом плато, – нашлась я, – говорят, фонит.

– Понимаю, – кивнул Герман Игоревич. – Судя по вашему настрою, вы собрались жить вечно. Тогда остается Иркутск.

– А вот это надо продумать, – облегченно вздохнула я.

– Ну ты даешь, маман, – присвистнул Антошка. – Обалденный промоушн. С каждым разом ты забираешься все дальше и дальше. Не удивлюсь, если весной тебя вознесет к Находке, а летом ты всплывешь где-нибудь в Мексиканском заливе.

– Как остроумно, – огрызнулась я. – А осенью войду с запада в Шватлоу и дам тебе затрещину.

– А я к тому времени уже состарюсь, – грустно заметил Антошка и повесил трубку.

Всю ночь мне снился зеленый крокодил...

А в принципе Иркутск мне понравился. Динозавры уже вымерли, но небоскребы еще в проекте. Я прибыла – такая голь перекатная с двумя чемоданами, без еды, без денег. Но уже в аэропорту меня подхватили, не дали ослабеть с голодухи, помогли найти и кров, и пропитание. Квартирка, не в пример столичной, была опрятненькая, с видом на тихий дворик и заснеженные крыши ИВАТУ. Посреди двора стояла голубятня, и каждый день стаи птиц веселились у самого окна – я смотрела на них часами, не замечая, как летит время. Зимой воробьи, весной голуби...

– Сработаемся, – выслушав мои приветствия, заключил новый босс Серафим Яковлевич Пургин – человек на редкость гражданский, раза в полтора старше Бережнова и такой же фанат своего дела.

И сразу определил меня (куда бы вы подумали?)... в китайский отдел.

«Интересно, озадачилась я, – а как они получают информацию обо мне? По факсу? Голубиной почтой? Или у всех бонз «Бастиона» налажена телепатическая связь?»

Но мы и вправду сработались. Мягкий в обращении, но настойчивый в делах, Пургин впечатлял своей образованностью и фундаментальными знаниями о том, что в действительности происходит в стране. В конторе под названием «МО РФ. Социологическая лаборатория» он слыл одним из наиболее грамотных и подготовленных работников. До первого переворота Серафим Яковлевич служил аналитиком при штабе ДВО, после восхождения на престол НПФ отсиживался в лесах под Верхоянском, иногда совершал дерзкие налеты в составе диверсионных групп, по ходу которых, правда, спусковой крючок не нажимал, а мотал на ус. Другими словами, отслеживал ситуацию, старательно ее усваивая и обрабатывая. Благодаря чему оброс просто энциклопедическими познаниями о положении дел в Восточной Сибири.

– Ваша задача, Любовь Александровна, – поучал он меня, беспрестанно потягивая свои любимые папироски «Север», – системный анализ информации от полевых агентов о действиях официальных китайских лиц. Их множество, уверяю вас. Консулы, проконсулы, главы торговых и культурных миссий, представительств, делегаций, их замы, шестерки, переводчики. В Иркутске, Чите, Красноярске... Где угодно. Это какой-то тихий ужас, коллега. К сожалению, никто не отменял Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и КНР, заключенный еще «патриотами». Впрочем, юридическая отмена ничего не даст. Заявляю вам с полной ответственностью: если и существует угроза национальной безопасности России, то исходит она не от недобитков НПФ, а от Китайской Народной Республики. Если раньше это была неконтролируемая миграция, своего рода мягкая экспансия, то сейчас – натуральное стихийное бедствие. Специалисты подсчитали: если не будут приняты жесткие меры, через два-три года китайцев в Сибири станет больше, чем русских.

– Ну уж, – усомнилась я.

– Если не хуже, – Серафим Яковлевич явно оседлал любимого конька. – Это не леденящий душу анекдот, поверьте. Раньше они въезжали по рабочим визам и использовались в качестве дешевых коней на стройках да на лесоповалах. А сейчас прут все подряд! Теперь мы для них кони! Если год назад пакет документов для въезда в Россию стоил две тысячи долларов, то сейчас он стоит тысячу! Через полгода он будет стоить копейки. А сколько фальшивок! Буквально на днях в Чите раскрыли мастерскую, где штамповали паспорта для китайцев. Научились же делать – печати консульской службы, пограничной службы – да не тяп-ляп, а по

форме, качественно. Двести паспортов конфисковали! А какие суммы проходят через китайцев! Думаете, платят налоги? Из одной Москвы в год выкачивают до трехсот миллионов долларов! Из всей России – порядка двух-трех миллиардов! В Москве их около двух миллионов... Я имею в виду, выходцев из Китая. По всей Руси – миллионов сорок! А сколько ждут своего часа, чтобы въехать, захватить лучшие земли, инфраструктуру, загнать россиян в леса и осуществить наконец свою вековую мечту! Вы знаете, что Иркутск давно назван Линь-Чжоу, Благовещенск – Квайбэем? Разве это не угроза национальной безопасности? А наркотики, которые они сбывают нашим наркоманам? Традиционно позорное качество, но «подсадка» гарантирована и сгорание организма обеспечено. Загляните в больницы – они до отказа забиты наркоманами, больными с гепатитом и сифилисом. «Спидоносцев» просто не берут... Зачем?

– Если всё так, как вы говорите, то у России уже нет никакой национальной безопасности, – пробормотала я.

– Позвольте не согласиться, – запротестовал Пургин. – Еще не поздно их турнуть. По крайней мере, ограничить въезд, а проживающим создать невыносимые условия. Вы знаете, что такое триада?

– Я смотрю боевики, Серафим Яковлевич. Это китайская мафия.

– Конечно. Братва, по-нашему. Но в России она очень тесно сплетается с официальными китайскими структурами. В этом ее сила, но в этом и ее слабость. Нам ничто не мешает взять под контроль и отследить формальные китайские учреждения. Что мы, собственно, и делаем.

– А известно вам о контактах российской и китайской мафий? – спросила я. – Или они между собой не пересекаются?

Пургин потер кончик носа. Ответил уклончиво:

– Это отдельная тема, Любовь Александровна. В сущности, они друг друга не жалуют, но научились терпеть. И в бизнес чужаков стараются не вмешиваться. Хотя и не всё так просто в этом вопросе... Нужно знать коварство китайцев. Но, повторяю, это отдельная тема. А первое ваше задание будет следующим...

В конторе работал неплохой народ. Дотошный и въедливый в деле, но далеко не снобы. Шестеро на весь отдел. Программист Ломов, мастер быстрого фото Виталька Овсянников, координатор Зуев и две аналитички, по злой иронии носящие имена Ада и Рая, что всегда вызывало массу острот. Ну и я. Работали, общались, все было пристойно. До пошлостей не доходило. Иногда собирались после работы, пили пиво, обсуждали текущие моменты. Пиво без водки, конечно, неинтересно, прикладывались и к бутылочке. Потом тянули в шесть голосов «По большому Сибирскому тракту» и «Есаул молоденький». Душещипательно – аж до слез. Словом, март пролетел незаметно. За ним апрель, Пасха. На Первомайские праздники я вступила в Общество российско-китайской дружбы. Коллеги животики надорвали.

Разумнее сказать, меня внедрили. На роль Маты Хари, по общему убеждению, я не тянула, поэтому изошрялись кто как мог. «А давайте ее запрограммируем, – предлагал программист Ломов, – настроим на волну пекинского радио – и пусть идет». «Уголки глаз обязательно подтянуть, – бухтел мастер фото очкарик Виталька, – пигментуку желтенького впрыснуть, ножки обрезать...» «А пусть она китайский выучит, – подавал дельный совет координатор Зуев. – Она умная, за пару вечеров справится. Представляете, мужики, у них, оказывается, одинаковый набор звуков может означать разные слова. Произносишь с придыханием – одно слово, нежно – другое, как выстрел – третье. А еще можно произносить презрительно, экспансивно, вяло, страстно, можно петь, пищать. Очень легко, главное, не запутаться и не материться». Аналитички Ада с Раей участия в издевательствах не принимали, сидели, зарывшись носами в клавиатуры, и дико хохотали. Они всегда хохочут, им только палец покажи. В разгар веселья вошел Пургин и сказал, что в клубе имени Лазо действует центр оздоровительной китайской гимнастики тайцзицюань и что меня рекомендовано руководством туда сбегать – как сотрудницу редакции газеты «Байкал», за что редакция несет коллективную (то

есть никакую) ответственность, потому что у «лаборатории» в ней свои люди. С чем связано новое назначение, Пургин особо не распространялся. Обещал поговорить отдельно, без клоунады. Едва он вышел, как Рая тут же пообещала принести мне гетры, а Ада – тапочки. «И непременно белые», – добавил программист Ломов. «И резинку для волос», – ухмыльнулся Виталька, дурковато подмигивая и тыча пальцем в мою прическу «а ля после тифа».

Пока ничто не предвещало несчастья. Гимнастика тайцзицюань пришлась мне по вкусу. На деревьях уже распускались листочки, и солнышко пригревало, когда я прекратила расспросы, типа: «В чем вы видите главное отличие традиционных физических упражнений от нетрадиционных восточных?» Или: «Как влияют нагрузки, полученные вами в спортзале, на осмысление окружающего мира и вашего места в этом мире?», забросила подальше диктофон, облачилась в Райкины гетры и присоединилась к почтенной компании – тренировать психику и сознание. За неделю я овладела «искусством соколиного когтя», «растирания камня», всюду «притягивала звезды» и «доставала луну». Наполнялась энергией и «всесокрушающей силой двигала горы». У меня получалось! Кроме меня заниматься в центр ходили всего две русские женщины. Остальные были сплошь китайками (действительно, чем не стихийное бедствие?). Особого комплекса я при этом не испытывала: обитательницы Поднебесной традиционно не отличаются длинноногостью – думаю, на их фоне я не проигрывала. Там и познакомилась с одной китайночкой – ее звали Минь Мао. Тонкая, гибкая, заядлая хохотушка, она первой пошла на контакт. По-русски, правда, не знала ни звука (зачем? – скоро вся Сибирь заговорит по-китайски), а я – ни бельмеса по-ихнему, так что изъяснялись мы по-французски (Минь провела детство на границе с Лаосом, где еще живы колониальные предрассудки, там и набралась). Занималась Минь, разумеется, торговлей, но что именно продавала и кому, я слабо усвоила. Она эмоционально болтала о себе, о своих мужьях, детишках, о том, как трудно жить в Китае, население которого в ближайшее десятилетие перепрыгнет за полтора миллиарда, а в Сибири так вольготно, сущий элизиум, душа поет – заслушаешься, что скоро вся ее многочисленная родня переберется в Иркутск, и она ждет не дожидется, когда это произойдет. Я изображала из себя пустышку, шлепала ресницами, а когда однажды тихо поинтересовалась, а где они, собственно, собираются здесь жить, Минь воскликнула: «Как где, подружка! Да у нас давно закуплены квартиры в центре Линь-Чжоу (Иркутска, по-нашему)!..»

Она и предложила мне вступить в местное отделение Общества российско-китайской дружбы. «У нас так весело, – уверяла меня китайка. – Мы изучаем этот край, дружим с интересными русскими...» – «Что, и русские у вас есть?» – озадачилась я. «О, да! – зажестикულიровала крошка Минь. – Вот только не помню – двое или трое...»

– Никаких раздумий, Любовь Александровна, – узнав новость, возбудился Пургин, – иначе Родина вас не поймет. Действуйте, издержки будут оплачены.

Он знал, что говорил. Выход на общество был необходим, как воздух. По последним данным, ряд высокопоставленных российских лиц был вовлечен в закулисные игры азиатов. Фигурировало АО «Сибирский дух», принадлежащее китайцам (авторство не выставлялось, но и не сильно вуалировалось), всеильная монополия «Росгаз», пережившая кризисы и чистки эпохи НПФ, охранное агентство «Стрелок» – крупнейшая военизированная структура за Уралом; несколько других сомнительных фирмочек. Нехороший симптом: если «Росгаз» начинает мутить с иностранцами, значит, дела в стране скверные. «Сибирский дух» занимался вырубкой леса на Приангарском и Заангарском плато, «Росгаз» качал газ с нефтью – что их объединяло? Рабочий штаб «Сибирского духа» находился в захолустном поселочке Томилово в двухстах километрах северо-западнее Братска (в отличие от головной конторы – она в Иркутске), там и произошла четвертого апреля встреча трех влиятельных «росгазовцев» с представителями «лесорубов». Немалую роль в подготовке встречи сыграло Иркутское отделение Общества российско-китайской дружбы – агентура в этом была единомышленна. Дальнейшие проверки выявили новую пикантность: двое из четверых участвовавших в тусовке китайцев в фирме «Сибир-

ский дух» только числятся. Один является зашифрованным авторитетом тайного общества «Пекин» (говоря по-русски, триады), второй – представителем тайваньской электронной компании «Суань», а на деле – не последним человеком в китайской разведке Цзуншу Цинбаоцзюй.

Вот такой получался салат оливье.

Мое задание было предельно понятным: обнаружить каналы, по которым осуществляется связь деятелей российского истеблишмента с «азиатскими завоевателями». А также, по возможности, – цель этих контактов.

В последних числах июня я нарисовалась у Пургина в кабинете.

– Ваше задание не выполнено, гражданин начальник – это раз. Дружба задолбала – два.

На первое число назревает мероприятие – это три.

– Первые два опустим, – буркнул шеф. – Начинать с третьего.

– С четвертого. Меня проверяли по линии редакции «Байкала», действительно ли я там тружусь.

– Ну-ну, – пропыхтел шеф. – И как прошла проверка?

– Исходя из того, что я стою перед вами живая и небитая – неплохо.

– Ничего странного, – Серафим Яковлевич пожал плечами, – мы ж не крокодилы какие-нибудь – отдавать своих сотрудников на съедение.

– Крокодилы не отдают на съедение, – поправила я, – они едят. Перехожу к третьему. По линии общества дружбы намечается официальный вояж по лесоповалам Заангарского плато.

– Смысл? – нахмурился Пургин.

– Отчасти – показуха. Едут официальные лица из китайских структур и кое-кто из руководства области. Будет пышная церемония. Самолетом делегация следует до Томилова, там пересаживается на автобусы и по «Желтому тракту» дует на северо-запад – через Ангару – на лесоповалы. Покажут внешнюю сторону – клумбы, цветочки, разноцветные бараки-бунгало, строго нормированный труд в пределах КЗоТа. Рабство показывать не будут. Китайцы это умеют. У нас научились.

Пургин задумался.

– Вы считаете, это неспроста?

Я кивнула.

– Возможно. Создается впечатление, что делегация – умелая или не очень маскировка.

Репортеры, фотографы, чинуши... Похоже на прикрытие, не находите?

– То есть кто-то из списка едет по другому вопросу...

– Я тоже так подумала, Серафим Яковлевич. Два дня на дверях общества красовался амбарный замок. Минь сказала, что суровые ребята в костюмах проводят совещание.

– У вас есть возможность примкнуть к делегации?

Ну как себя не похвалить.

– Думаю, как экзальтированная, падкая на показуху журналистка – пролезу. Они будут рады. Но мне необходим фотограф.

– Отлично. Готовьтесь. А мы посмотрим, не зреет ли шевеление в недрах «Росгаза»... И пожалуйста, Любовь Александровна, в следующий раз, заходя в этот кабинет, надевайте другой парик. От вашего рыжего мочала веет такой вульгарностью...

В принципе неплохое занятие – дружить с китайцами. Если они к тебе по-доброму, а не с фигой в кармане. Так было и в нашем случае. По крайней мере, к журналистам, получившим милостивое добро на освещение высокого вояжа, отнеслись по-человечески и приняли энергичные меры, чтобы они не умерли со скуки. До некоторых пор это забавляло.

Впрочем, в самолете всю пищу и снимающую братию посадили в самый хвост, ясно давая понять, кто есть кто. Охранники и чинуши помельче жались посередине, а самая передовая часть нашей делегации оккупировала «бизнес-класс» и превратила его в нечто среднее между борделем и конференц-залом. Отдельные крохи перепали и нам: раза два или три голенастая стюардесса подвозила пропитание и пиво, которые истреблялись безжалостно.

Журналистов было человек восемь. В качестве подстраховки и фотографа мне определили очкастого Витальку Овсянникова, чему я была несказанно рада. Были еще какие-то волосатики из молодежи, старый кактус Галкин из древнепролетарской «Звезды Сибири», пустоватая болтушка Верка Ткаченко – командированная от окружной «Бригады», двое «глухонемых» из «Вечерки». Остальных, летящих на носу, кроме заместителя губернатора Пал Палыча Морозова, я не знала. Но мужики были внушительные. И пока при галстуках. Обладай я даром физиогномистики, быстро бы сообразила, кто есть ху: кто банкир, кто коммерсант, кто офицер госбезопасности. А кто и местный «Бурчеев». Увы, не дано. Трудно быть бестолковой.

– Снимай всех, – шепнула я Витальке. – В анфас, в профиль... кто с кем бухтит, кто кому подлизывает. Всех подряд. Потом разберемся.

– Не бойсь, Любах, зафигачим. – Виталька блаженно шурился, дуя дармовое пиво.

Вытаскивать его из самолета пришлось на бечевой тяге. Верка из «Бригады» с одного боку, я с другого. Он бормотал какие-то глупости про нектар с амброзией, про нарушенный параллакс, но едва сошел с трапа, как мгновенно протрезвел. Есть еще парни в наших селеньях: быстро кривеют, быстро отходят.

– Благодарю вас, мэ, – важно кивнул он в мою сторону. Потом повернулся к Верке:

– А вас – *especially*...¹ – и преданно лизнул ее в лоб.

Это было ошибкой. С той минуты наивная Верка ходила за ним, точно теленок за коровой, отчаянно мешая выполнению боевого задания. Но Виталик на сей счет не отчаивался.

В Томилово, аккуратном поселении, окруженном грядами высоких сопков, нас встретили пятеро любезных китайцев и препроводили к колонне разноцветных «пазиков», уже наостренных на северо-запад.

Журналисты, естественно, ехали в последнем. Грунтовка, избитая колесами длинномеров, петляла, огибая холмы. Из открытых окон пахло хвоей.

– Этот грунт окрестили «Желтым трактом», – с удовольствием стал бахвалиться своим всезнайством Виталька. – Китайцы его строили году в девяносто третьем. Уже тогда валили лес и на автоприцепах возили в Иркутск, зарабатывая жалкие копейки. Жили в бараках, спали по триста рыл на полу, жрали баланду – и ничего, выжили. Теперь все на потоке, кто-то огребает нехилые бабки. Даже многие из тех, из первых, завели свою коммерцию – тоже не бедствуют. А с новичками по старинке – бараки, палка, баланда...

Навстречу с грохотом пропылила груженная лесом колонна «КамАЗов».

– Только шум стоит, – прокомментировал Виталик. – От тайги скоро хрен останется. Какие деньжищи уходят...

– Обычное дело, – включилась в разговор Верка. – А кто, дружок, упустит свои денежки? Ты поставь пустую бутылочку на остановке – долго она там простоит?

– Секунд пятнадцать простоит, – ухмыльнулся Овсянников. – Я, между прочим, часто ставлю, засекаю. Когда автобус жду.

– Да это же дармовая трудармия, – пробормотала я. – Тысячи китайцев готовы подписаться на баланду, лишь бы вырваться из Китая и иметь пусть виртуальную, но перспективу на будущее...

– И смерть их не страшит, – согласился Виталик. – Летальных исходов на лесосеках предостаточно. Мрут от холода, заразы, несчастных случаев, от разборок между своими. Даже

¹ Особенно (*англ.*).

те, кто готов уехать обратно, кто опомнился, – уже не могут. Капкан. Клапан прямого действия – туда пожалте-с, обратно – нет.

– Ой, а мы их увидим? – пропищала Верка, ненароком прижимаясь к Витальке.

– И не надейся, подруга, уж я-то знаю, – фотограф с важностью покачал головой.

К трем часам пополудни паром переправил нас на правый берег Ангары, а к пяти, когда все уже подустали, китайские «импресарио» решили показать русским товарищам, что такое настоящая трапеза в походных условиях. Словно по мановению волшебной палочки возникли корзинки, подозрительные емкости...

Когда «утомленные» пиршеством делегаты стали отбирать у охраны пистолеты и стрелять по парящим в небе орлам, я ушла в автобус. Желудок был переполнен. Виталик опять наподдал, глупо смеялся, бормотал свои сонеты. Верка ему пьяненько подхихикивала, а я уже не могла все это видеть. Смех, конечно, продлевает жизнь, но что поделать, если этот смех без причины?

Я свернулась на заднем сиденье, позади непьющего кактуса Галкина из пещерно-пролетарской прессы, и под вопли раздухарившегося толстяка Морозова: «А теперь все в круг! Все в круг! Где эти гребаные фотографии?!» – беспокойно уснула.

А проснулась в конечном пункте.

– Ну ты и горазда дрыхнуть, насилиу растолкал, – пробухтел Виталик, дыша в меня остатками перегара. – Поднимай свою задницу, приехали...

Вместе со всеми выбрались из автобуса. Стояла ночь. Силуэты барачков окружали автостоянку. Позади лес, над головой небо, конопатое от звезд. Вкопанные в землю покрышки. Несколько фонарей освещали центральную клумбу и пожарный стенд с полным набором средств пожаротушения.

– Всем спасибо, – объявил кто-то из приспешников Морозова. – Гостей ждут в корпусе «Д». Журналистов – в корпусе «Г». Ужин, душ, постель. Корпуса совмещены, это совсем рядом, вас проводят. Всем спокойной ночи, и просьба не забывать – подъем в девять.

Нас действительно ждали. Гостевые «апартаменты» сияли чистотой. Комнаты на двух постояльцев, шторы на окнах, флоксы в баночках – как это трогательно!

– Ой, до чего здесь мило, – пришла в восторг Верка. – Кто бы мог подумать, Люба. Слушай, а мне это нравится!

– Мне тоже. Но учти: лучшее – враг хорошего, – пробормотала я, падая на кровать.

Она опять что-то лепетала, но этого я уже не помню. Ужин и водные процедуры прошли, надо думать, без моего участия.

Утром нас гуськом водили по образцовому хозяйству. Как и предполагалось, показушная сторона преобладала. Чистые аллеи, улыбчивые китайцы в идеально отглаженных робах. Смешно, но бараки и вправду были окрашены в разные цвета. Голубые, зеленые... Виталька без усталости снимал своим «Самсунгом» и бормотал про какие-то «потемкинские» деревни, про пыль в глаза, про то, что нас извечно держат за идиотов, а нам того и надо. А в самом деле – чего нам надо? Переживать за иммигрантов, которым несть числа? С какой стати? Пусть о них свои заботятся, мы их не звали... После экскурсии по жилому городку делегацию повели на лесосеку, подробно объясняя, как происходит рубка леса, какова почасовая кубатура и что при этом чувствуют счастливые дровосеки. Скорее всего, и лесосека была «потемкинской», уж больно аккуратно и радиво протекал процесс. Китайцы улыбались, работали исключительно новыми бензопилами, а широкоплечие десятники, поставленные надзирать за работягами и лупить всех подряд, с удовольствием угощали лесорубов сигаретами.

В низинке, за кустами, позади узкой полосы вырубки, матово проступал забор. За забором – какие-то неокрашенные строения, «колючка». Мелькнула узнаваемая фигура часового.

Виталька попробовал приотстать от процессии и вильнуть к кустам, но неожиданно наткнулся на охранника-амбала, раскусившего его маневр. Обойти такую громаду было непросто.

– О, нет, нет, – к Витальке бросился улыбочивый китаец из состава делегации, – ви не туда, товалис... Нам в длюгую столёну...

– А там что? – Виталька ткнул «Самсунгом» в кусты.

– О... – китаец излучал обаяние, – там склады, пилёляма... Позалуста, позалуста, вместе со всеми...

– А ну не отставать! – прикрикнул некто набыченный и угрюмый, с физиономией крепко «задвинутого» гэбэшника. – Вы что себе позволяете, товарищ? Почему не слушаетесь товарища Фунчиня?

– Ну, всё ясно, – прошипел Виталька, догоняя нас с Веркой. – Вот вам истинный лагерь. Зона, рабство, труд за миску баланды...

– А он все о том же, – фыркнула Верка. – Ну не выдумывай, Виталик, что за ахинею ты несешь? Посмотри, как здесь мило.

– Да мне в принципе по барабану, – отмахнулся Овсянников. – Просто бесит, когда тебя дурят.

– Слушай, ты давай не нарывайся, а снимай все подряд, – прошептала я. – Тоже мне, правдуроб выискался...

После обеда нас возили по окрестным лесосекам. По-моему, они ничем не отличались от первой. К ужину привезли обратно и дали небольшой концерт с праздником чревоугодия, организованный усилиями добрых дровосеков. Дары и мудрых ослепляют – мы размякли. В ходе праздника было объявлено, что плановое мероприятие по инспекции показательных хозяйств продолжается, и спозаранку колонна отправляется дальше: в Ошарово, на Подкаменную Тунгуску.

Кто мог предвидеть, что ночь закончится трагически? Сидящие в заключенной зоне китайцы терпеливо ждали приезда комиссии. Надеялись пожаловаться на свое бедственное положение и на ту пропасть, что возникла между радужными посулами и ужасающей реальностью. А когда узнали, что комиссия прошла мимо, а наутро уже уезжает, чаша терпения переполнилась. Вспыхнул бунт. Они прорвали колючку, смели охрану и в праведной ярости бросились к «потемкинскому» центру городка. Но охрана не спала и встретила нападающих дружным огнем (от него мы и проснулись). Закрыла ворота, ведущие в огороженную административную зону, и по каждому, кто пытался перелезть через забор, палила из всех стволов.

Стучали автоматные очереди, Верка дико верещала, в коридоре ругались журналисты. Не вставая с кровати, я заткнула уши и какое-то время лежала, приходя в сознание. Потом подскочила, оделась и, оставив в комнате вопящую Верку, бросилась в коридор. Но на улицу выбежать не успела. Виталька Овсянников оттащил меня от входа.

– Эй, ты спятила? А ну, стоять!

Горящие прожекторы освещали забор, через который пытались переметнуться какие-то серые личности. Охрана (наша и лагерная) вела огонь по периметру здания. На моих глазах один из атакующих упал на землю – во внутренний дворик, другой завалился на спину и, зацепив собой еще двоих, свалился за ограду.

– Давай назад... – Виталька потащил меня по коридору. Где-то по соседству находилась, похоже, радиорубка. Испуганный голос из открытой двери торопливо наговаривал по-русски:

– Чибис, Чибис, я – Сойка... Да, да, это бунт!.. Они нас сомнут... Вы спятили! Какие автобусы? Тракт перекрыт, нам не дадут и за ворота выехать! Они совсем озверели... Да, да... Вызывайте вертолеты из Столбового – у нас важные люди, нельзя ими рисковать... Не знаю. Не знаю, Чибис. Полчаса простоим, попробуем, у охраны кончатся боеприпасы... Да шевелитесь вы!..

– Во влипли, – восхитился Виталька. – Давай-ка, подружка, подготовимся к эвакуации. Чую, жарко здесь будет.

– Иди Верку успокой. И вещи собери, – я в изнеможении опустилась на пол и прислонилась к стене коридора. – Иди, Виталик, иди, за меня не бойся, я сама за себя побоюсь...

Критический момент настал, когда разъяренной группе китайцев удалось пробиться к зданию. Остальных отсекали огнем и вынудили убраться за периметр, а человек пять ворвались в бледно освещенный коридор и, потрясая палками, бросились в радиорубку. Через мгновение оттуда понеслись звуки погрома. Закричал радист. Два охранника запоздало вбежали в барак и устремились на помощь. Кажется, к ним присоединился кто-то из наших братьев-журналистов – три или четыре тени, перепрыгнув коридор, включились в потасовку. Теперь орал не радист, а практически все. Загрохотали выстрелы. Какой-то невысокий китаец в лохмотьях, держась за окровавленный бок, вывалился из радиорубки и засеменил в мою сторону, рассчитывая, очевидно, укрыться в здании. Но он едва волочил ноги, запнулся о мою пятку (я продолжала сидеть, прислонясь к стеночке) и растянулся. Запах тухлой бомжатины окутал меня. Подняться он не успел – налетевший «секьюрити» серией точных ударов носком в живот окончательно его добил. Вонючая рвотная масса смешалась с кровью, китаец захрипел и замолк.

– Пардон, мадам, – извинился охранник. Юморист.

Я закрыла глаза и заткнула уши, но все равно слышала, как тащили бедолагу за ноги, а голова его стучала по полу. Слышала, как добивали выстрелами попавших в переплет в радиорубке. И радостный вопль, вызвавший оживление:

– Вертолеты!..

Гимнастика тайцзицюань не пошла мне на пользу – я пребывала в глубоком шоке. Виталька тащил нас обеих – орущую Верку и меня – загадочно молчащую.

Две ступенчатые «сигары» «Ми-8» (такие используются в тушении лесных пожаров) сели на клумбы, полностью испортив их.

– Быстро! – орали пилоты. – Вы чего как неживые!..

Люди метались, сдуваемые потоками воздуха. Первыми карабкались шишки из состава делегации, за ними – администрация лагеря, остальных просто отталкивали, сбрасывали на землю.

– Довольно! – заорал пилот первого вертолета. – Куда вы лезете, мать вашу в трах-тарарах! Перегрузка, б!..

Вертолет оторвался от земли. Кто-то повис на полозьях – благо успел спрыгнуть. Народ бросился ко второму. Нас утрамбовало и швырнуло внутрь. Охрана продолжала отстреливаться, сжимая кольцо вокруг вертолета. Китайцы из-за забора швыряли камни. Один попал в корпус – обшивка тревожно загудела.

– Взлетаем! – рявкнул пилот. Машину качнуло.

Обезумевшие рабы уже лезли через забор, бежали, махая руками. Последний охранник не успел запрыгнуть на борт. И патроны у него кончились. Он ударил в перекошенную челюсть подбегающего – тот отлетел, как резиновый мячик. Но остальные уже накрыли его и принялись терзать в клочья.

Вертолет висел над землей метрах в двадцати.

– Па-а-берегись! – крикнул пилот.

Корпус посуды резко швырнуло вбок. Я сдержала тошноту, вцепилась в чей-то рукав и стала истоиво молиться...

Состояние однозначное – с дуба рухнула... Давка, как в троллейбусе под занавес дня. Нас набилось в «сигару» человек двадцать – каждый сам за себя и ближнего в гробу видал.

Джентльмены хреновы. Так и норовят бабу с возу... Виталька куда-то пропал – и немудрено, сидели плотно, плечом к плечу. Верка жалобно охала, мужики втихаря переругивались, да еще тьма крошечная, и все вокруг грохочет...

Пилот дважды выходил на связь. Виртуозно матерился, колотя кулаком по панели, вызывал Столбовое, кричал, что летит на «базу-2», на запад, будь она трижды раздолбана, и чтобы его с напарником сегодня не теряли.

Кто-то бессовестно испортил воздух. Дышать стало невозможно. Машину трясло – я куда-то проваливалась. Создавалось впечатление, что мы падаем. Стены переворачивались, вертелись, я скользила вниз, пытаясь набрать воздуха, но сосед падал вместе со мной и сжимал меня стальным обручем – я задыхалась... А потом и вправду стали снижаться. Борт накрепился. Толпа, дружно ахнув, подалась вбок. На меня. Не выдержав прессинга, я заорала, стала махать руками, бить коленями и даже попыталась принять вертикальное, относительно земли, положение, но в этот момент вертолет повело в другую сторону, и все поехали к противоположному борту...

Кошмар только начинался. В последний раз тряхнуло, вертолет замер. Посадка. Толпа полезла на улицу (естественно, топчя слабый пол). Я выбиралась последней – мозги набекрень, кишки навыворот... Мы приземлились на ровную и, похоже, бетонную площадку на склоне глубочайшего ущелья, полностью заросшего лесом. Быть может, я что-то путаю – все же ночь была. Может, при дневном свете и ущелье станет помельче, и лес пожиже. А может, и само ущелье мне просто померещилось – от усталости и потрясения...

Первый вертолет уже стоял впритирку к нашему. Вокруг него кучковались люди, гудел шалман. Кто-то нежно взял меня за локоток. Я встрепенулась.

– Виталька...

– Нет, Любаха, мы не самураи такое терпеть, – забухтел Овсянников. – Это ж воистину «мементо мори»... Слушай, а ты не догадываешься, куда нас занесло? Это что за терра инкогнита?

– А здесь шаманы справляют свои культы, – ответила я. – И армии духов вдоль дорог... А тебе не все ли равно? Мы тут ненадолго...

– А, вот вы где! – истошно завизжала Верка, хватая нас за плечи.

Виталька завыл.

– А ты как хотел? – сказала я голосом бракованного андроида. – Трое составляют коллегию. Триумвират. Крепись, Виталя.

И вдруг всё стало принимать не совсем понятный оборот. Шелест затихающих винтов перекрыла зычная команда:

– Всем на землю! Лицом вниз! Не шевелиться!

Верка дернулась, как припадочная. Я, наверное, тоже.

Творилось что-то странное. Из серого воздуха будто материализовались человеческие фигуры – черные, подтянутые. Точно демоны встали из земли – окружили толпу и, выставив короткие автоматы, стали сжимать круг. Если бы люди подчинились, глядишь, всё бы и устаканилось. Но кто-то из начальства возмущенно брякнул – мол, по какому праву!.. – охрана схватилась за пистолеты... Начался ад.

Одного движения оказалось достаточно, чтобы люди в черном применили оружие. И не просто так поугали, а стали стрелять на поражение! Пилот первого вертолета, нашпигованный свинцом, выпал из дверей, второй успел запустить мотор – винт медленно завращался, но длинная очередь пробила стекло кабины, пригвоздив пилота к креслу. Народ бросился враспынную. Опять заверещала Верка. Виталька пытался выдернуть меня из толпы, но, получив прикладом в висок, закричал от боли и упал на колени. Меня потянуло в сторону. Кто такой? Сущий дьявол – лица не видно, на голове облегающая шапочка, фигура обтянута. Я ударила сумкой – он поднял правую руку с автоматом, перехватил удар. А за спиной уже всю стрелу

ляли – борзые охранники Морозова бились до конца, выполняя свой дурацкий долг... Нет, я так определенно парафилию заработаю!.. Он выкрутил мне руку, развернул к себе спиной. Больно же, идиот! Я заревела от пронзительной боли – и поступила в точности так, как меня учили господа из «Бастиона»: делайте ставку на непредсказуемость, Дина Александровна... Накось вам фигуру из трех пальцев и трех же букв. Я подняла пятку и что есть мочи всадила этому ублюдку в подъем ноги. Он меня выпустил, завопил от боли... Хватило доли секунды: я вырвалась и бросилась вон из круга.

Меня вынесло на самый край обрыва. Я затормозила, заметалась в отчаянии. А этот черный нетопырь опять собрался меня перехватить. Вместо того чтобы пристрелить, метнулся следом. Нет, не зря я такая худая. Изогнулась, присела, выбросила вперед ногу. Нет, не повредила гимнастика тайцзицюань, зря я на нее грешила. Волю в кулак, энергию в бедро... «Черный» споткнулся, не удержал равновесия и с глухим воем полетел в обрыв. Но и мне пришлось туго: правая нога под натиском чужеродной массы уехала за кручу. Балансировать – бесплатный номер: слишком поздно. С ужасом догадываясь, что сейчас произойдет, я еще умудрилась извернуться в падении и очень отчетливо разглядела заросли кустов, в которые неслась прямо носом!..

Туманов П.И.

Годы не старили его. По крайней мере не портили. Седина в голове – не худший результат пятилетней работы на «Бастион». Первые клочки ее он обнаружил в шевелюре пять лет назад – когда спецназ выдернул его с Динкой из объятий лаборатории Ордена. Он стоял перед зеркалом и удивлялся – надо же, какая солидность. Бриться наголо не стал. Его и двухцветным полюбили. Он смеялся – самое приятное в жизни знакомство в самом неприятном для этого месте. Оборвалось все просто и решительно. Смена власти, грядущая облава на ЦИОМ «Новое время» – и Туманов в последний день выводит Динку из-под удара. «Зеленый коридор» до Праги. Тоска в голове – еще зеленее. Пять лет в этой самой тоске, да еще под «легендой». Седина с висков перебралась на макушку. Не хватало чего-то его голове. О смерти не думалось – вот и остался жив. И о закалке речь не шла – он становился равнодушным. Бегство из родного города, чекисты на хвосте, жизнь в глуши и... отможенные каратели, кромсающие сонных поселян. Он не плакал от горя, когда погибла приютившая его женщина. В полном равнодушии, сжав зубы, сжигал колонну грузовиков, доставивших вояк на место развлечения. Шпиговал свинцом необученных часовых... Добрался до столицы, связался с «Бастионом». Историческая миссия по ликвидации «орденоносцев» – дело доброе, но повод ли чувствовать себя польщенным? Без эмоций смотрел он на мертвые тела «кукловодов» и на то, как над Москвой занимается рассвет – первого дня без «патриотов». Дикая усталость придавила прессом, он вылез из машины у ларька – водки выпить. Невозможно работать в трезвом виде. А когда взорвался его автомобиль, заминированный чуткими коллегами, Туманов уже выпил. Пришлось поздравить себя: воздержание от алкоголя, возможно, и полезно для здоровья, однако крайне опасно для жизни. Не стоит злоупотреблять им – воздержанием.

Он бежал от друзей, бежал от врагов, от самого себя, от пули, которую чуть не послал себе в лоб, пребывая в полной безысходности. Слава богу, есть еще в наших поселениях женщины, источающие тепло и готовые пригреть небритых мужчин с печальными глазами. Они не задают лишних вопросов и делают вид, будто не оценивают свои приобретения...

Он отсиживался, уйдя на дно. Сообразили ли «братья-коллеги», не пожалевшие ему взрывчатки, что он жив? А если да, то станут ли искать пропавшего в условиях неразберихи так называемого мирного перехода власти? С одной стороны, могут махнуть рукой: дело сделано, а победителей не судят. Кому интересны «тайны мадридского двора», если нет никакого двора? Но, с другой стороны, что он знал о планах «Бастиона»? Информация, которой он владел, при умелом применении могла стать убойной силой. Собирается ли он ею воспользоваться? Сомнительно. Но не хочет сегодня – захочет завтра. А этого «отцы-благодетели» не могли не понимать. Зачем им рисковать, когда достаточно напрячься и найти иголку в стогу? Берешь обычный магнит...

Оттого и прятался, с головой уйдя в деревенский быт. Латал дом, пристраивал кухню, гонял местных «удмуров» с огорода. Через неделю свыкся со своим положением, через месяц привык, через другой прикипел – и к речушке за огородом, и к девчушкам-погодкам – Танечке и Галечке, и к Валентине, сияющей от радости, что есть у нее отныне такой мужик, с которым хоть куда – и не пьет, и не бьет, и не стареет. И в хозяйстве с ним легко, и в постели...

К исходу третьего месяца, на святки, все рухнуло – разом, как не бывало.

Он вошел в дом, красный с морозца, усыпанный снежком, но довольный – ходил на дальнюю околицу к деду Ковригину, договорились с дедом – достроит ему амбар за три мешка картошки без обмана, – а то Валюша мало накопила в сентябре, съели уже. Хотел похвалиться, да не успел.

Все четверо сидели за пустым столом. Растерянная Валентина, девчата – непривычно тихие, а четвертым – какой-то дохлый шкет в фуфайке и бледный, как из гроба. Он старательно

прятал глаза. «Не соперник», – определил Туманов, настороженно озирая впалые щеки и изогнутые колесом ноги под столом.

– У нас гости? – предположил он.

Мужичонка сделался совсем мертвым. Сидел, словно в отрубе, и грязным пальцем ковырял стол.

– Пашенька, а это Шура мой приехал... – прижав руку к сердцу, еле выговорила Валентина.

– А он... – начал было Туманов, и осекся. Понял.

Тему мужа старательно избегали. Девчонки про отца успели забыть, да и сама Валентина, если честно... Насколько Туманов был посвящен, его взяли пару лет назад. Бывший учитель истории в Ижевске, в период последнего генсека – невезучий коммерсант, в эпоху Борискиного царства – горе-фермер – на кой он сдался националам? Говорили, много болтает. Может, и так. Как правило, из лагерей не возвращались. Гноили в них, в отличие от сталинских зон, не столь массово (не успели), но качественно. Поэтому возвращение мужа как-то не предугадывалось.

Ситуация, конечно, острая. В чем-то даже не без юмора. Треугольник любовный. Но какой-то кособокий.

– Я понял, – сказал Туманов и не узнал свой голос. – До утра можно пожить?

– Что ты, Пашенька... – испугалась Валентина. – Это же твой дом... – И вдруг заломила руки, заревела в полный голос, а за ней, не понимая, в чем дело, курносики Галюшка с Танечкой, – они во всем копировали мамку (а последнее время – и Туманова, важно надувая щеки и ходя, набычившись). Валентину можно было понять: угодить в такой переплет – это не ослу Буридана меж двух стогов. Эх, ты, жизнь косолапая...

«Откинувшийся» супруг быстро глянул на жену, потом, еще быстрее – на Туманова и зарылся впалыми щеками в ладони, заохал с туберкулезными прохрипами.

– Не трись, дядя, – строго сказал Туманов. – Моряк ребенка не обидит. Не тот я фрукт.

Он ушел рано утром. Надел свою кожаную курточку не по сезону, пересчитал на дорожку наличность за подкладкой. Рублей оставалось мало, баксов – те же триста, что и в октябре (не истратил, неужто предчувствовал?). Уйти без помпы, впрочем, не удалось. Валентина в старой шубейке на ночную сорочку погналась за ним, зажала за оградкой.

– Паша, Пашенька... – бросилась на шею, стала давиться слезами, вцепилась мертвой хваткой, как в собственную вещь, заголосила, словно он не уходил, а помер.

– Ну всё, всё. – Туманов оторвал ее от себя, оставил в снегу, а сам пошел по улочке – сам не зная куда. Хлопнула дверь, заревели девчонки. Не выдержав напряжения в затылке, он обернулся. Погодки, едва одетые, метались по крыльцу, норовя выскочить за ним. Бледный зэк в трухе хватал их за руки, они вырывались, он опять их хватал...

– Эй, дядя, не пускай девчонок! – заорал Туманов. – Ты мужик или сопля на ветру? Политический гребаный!.. Чтоб ты сдох...

Сплюнул и зашагал, не оглядываясь, увязая по колено в снегу.

Он уедет, он умчится...

Но куда он уедет? Располагая деньгами и документами эфемерного майора ФСБ Налимова (служба была реорганизована в АНБ – Агентство национальной безопасности), он совершенно не представлял, куда направить стопы. В столицу? На родину? В очередную шизофреническую глубинку?.. Шофер грузовичка за последнюю рублевую мелочь согласился добросить до Киргинцево – городка на трассе Кильзень – Большие Сосны. Злой и потрясенный, полтора часа он трясся в машине, тупо слушая, как ревет на все лады метель за окном. В Киргинцево на барахолке отоварил у местной фарцы две сотни баксов, разложил сотенные «националки» по карманам (в ходу еще были «керенки» НПФ с Иваном-«книголюбом», правда, втрое обесцененные) и, подняв воротник, побрел на автовокзал. На безлюдном пустыре, у останков когда-то замороженного строительства, его догнали трое. Он успел обернуться и отступить. Три хари,

откровенно бандитские, наезжали без церемоний. Видно, сделка века на толкучке не укрылась от их внимания. И место для реквизиции они выбрали подходящее – в округе ни души.

– Закадрим малютку, – не то утверждая, не то раздумывая, пропищал тощий урка с сыпью на роже.

– Ты не понял, васёк, нет? Вытрясай кошель! – Второй, весь порезанный от залысин до челюсти, вел себя конкретнее, непристойностей не предлагал и держался как старший.

– А будешь петь, фраер... – Третий, выступавший посередине – крепкий малый с оплывшими глазами – выбросил нож.

Туманов отступал к руинам недоделанного строительства – положение для обороны представлялось неважным.

Туманов споткнулся – плита лежала под снегом, да и глаз на затылке он не держал... Двое схватили его за руки, вывернули.

– А ну обмацай его, – распорядился резаный. – У этого васька бабки в каждом кошелё. Сам видел, как он их туда толкал.

– Стоять, – оплывший поднес кончик «пера» к подбородку, руку потянул к карману.

В принципе, это было элементарно, как зайти за угол. Лохи есть лохи. Он и не думал вырываться. Вывернул корпус и плечи навстречу рябому. Урка не сообразил. Оплывший тоже не врубился, хотя и различил агрессивность, но не оценил ее заданности. Он сжал «перо», а сам качнулся корпусом. Того и надо. Правая нога, уже свободная от веса тела, пошла вверх. Классика – это в челюсть, но до челюсти он сегодня не достанет: практики маловато, и противник слишком близок. Всадил стопой в нижние ребра. Под их хруст почти одновременно пошел на дальнейший разворот. Оплывший убрался.

– Цыпа, дай ему кесаря! – взвизгнул старший, заводя руку Туманова высоко за спину.

Рябой ослабил хватку, но «выкидыш» выхватить не успел. Туманов ударил головой – в нос. Опять хруст – на сей раз слабых хрящей. Попутно движение ногой, опять правой – задний удар по коленке старшего. Бабский визг, слезы... Че, парни, не канает масть?

Двое загибались от боли, третий пришел в себя.

– Па-адла!!! – брызжа кровью из перебитого носа, рябой бросился к Туманову с ножом. Тот отбил правой – нож взмыл в небо, – схватил ублюдка за шиворот, доламывая руку, и со всей мощи швырнул тщедушное тельце на прутья арматурины, торчащие из бетона.

Нечеловеческий рев огласил окрестности. Прут пробил грудину. Рябой повис, как шмат свинины на шампуре. Он пытался освободиться, извивался ужом, но никак: рифленая арматурина сидела в нем прочнее гарпуна. Рябой захаркал кровью, закатил глаза...

– Кому еще ласты склеить? – Туманов развернулся и побрел к тем двоим, дуреющим от боли. Старшего успел достать. Вопль «Не надо!» только усилил его ярость. Чавкало закрой, скотина... Он понимал, что ведет себя как животное, но не мог остановиться. Вот они, козлы отпущения за все его беды и неурядицы. Спасибо боженьке, что послал их. Поклон ему нижайший... Атакующий удар сломал вторую коленку. Резаный рухнул лицом в снег, зарыдал, как ребенок. Третий – со сломанными ребрами – озираясь, закрывая лицо руками, заковылял прочь. Не выдержал, заскулил от страха и, преодолевая боль, побежал...

Туманов не погнался за ним, забил на подонка. Через час он сидел в салоне допотопного автобуса, направляющегося в Чур, а к вечеру уже лежал на верхней полке плацкартного вагона, ползущего в Пермь, ворочался, не мог уснуть. Видения из прошлого вставали перед глазами плотной стеной живых и мертвых. Одних он убил самолично, других убивал еще кто-то, третьи жили, и кабы с ними что случилось, он бы охотно наложил на себя руки... Еще вчера у него был дом, была женщина, которая любила его в любое время суток, были детки-дюймовочки, мирные «пейзане»-соседи. А теперь опять изгой, в душе пустыня... Жизнь не балует разнообразием. «Попечалься, – советовал внутренний голос, – до Перми время есть. А там начнешь сначала, будешь жить, что-то выдумывать...»

В Перми, злой, невыспавшийся, он пересел на владивостокский пассажирский. Кассирше его лицо в паспорте понравилось, не стала мучить вопросами. Поезд оказался помойкой на колесах. Смирившись, он опять забрался на верхнюю полку и сутки провалялся, таращась на бегущие за окном заснеженные пейзажи. Под ним менялись пассажиры, после бабок-поболтушек приходили угрюмые мужики с баулами; мужиков сменяли отпускники-армейцы, пьющие паленую водку и досаждающие почему зря. Ругались из-за билетов, из-за невыносимой духоты, превратившей вагон в ад. Подолгу стояли на полустанках, ожидая встречный. Умоляли проводника сбросить жар, а тот в ответ злобно кричал, что не может, потому что от перепада температур на морозе лопнет система, это знает даже младенец, и тогда вагон превратится в сугроб, а кому не нравится, пусть откроет окна, а если они не открываются, то он не виноват, сами виноваты, на такси надо ездить... В соседнем отсеке хором ругали власти, напротив охала бабка, спешащая к сыну на похороны. Бухтели вечно недовольные тетки-челночницы в грязных пуховиках... Основательно окунувшись в народ, он сошел в Энске и, слившись с толпой, побрел на переходный мост. Энск гудел, ничего ему не делалось. Термометр на площади показывал десять градусов ниже нуля – для января вполне комфортно. Бомжам – раздолье. Он не был здесь четыре месяца, но как ни вглядывался, не находил в облике города разительных перемен. Бродили милиционеры-срочники с собаками на поводке, темные личности в закоулках торговали «ширевом». Развалины кафе «Давай закусим», пережившего генсека, «доброе царя», но не пережившего патриотов, тоскливо взирали в небо.

Толпа на остановке, давя слабых, атаковала «Икарус»-гармошку. Скептически оглядев желающих уехать, Туманов пешком отправился на улицу Ленина.

На звонок никто не открывал. Он долго терзал его, затем развернулся и позвонил в квартиру напротив.

Из открывшейся двери высунулись две головы. На уровне жизненно важных органов – мохнатого среднеазиата с очаровательными клыками, повыше – потасканной тетки в бигудях и с прыщом на бороде.

– Девушка, вы мне не поможете? – вежливо осведомился Туманов.

«Азиат» зарычал.

– Помогу, – кивнула тетка. – Может, чаю? Фундук – фу!

– Спасибо, – Туманов слотнул, – я на службе. – Вынул из кармана удостоверение Налимова и самоуверенно раскрыл. Все равно читать не будет.

– На службе, а не бреетесь, – укоризненно заметила «девушка».

– Вы правы, – согласился Туманов, – это упущение. Мне нужна Оксана Владимировна Волина из двадцать четвертой квартиры. Как бы узнать, где она?

– Она уехала, – поскущела тетка.

– Куда?

– Я... не знаю.

– Когда?

– Я... не помню.

– Поточнее.

Не все ментовские повадки он похерил за годы нервотрепки. Иногда удавалось и создавать убедительный вид, и придавать весомость словам. В некоторых случаях это впечатляло.

– Она уехала, н-навверное, в сентябре, – вспомнила тетка.

– То есть вы лично видели, как она собирала чемоданы, грузила вещи в машину?

– Нет, что вы, – тетка стушевалась. – Я не видела, молодой человек... Просто пришел мужчина, такой, знаете, приятной наружности – вот как вы... Показал книжечку – вот как у вас... Задавал какие-то вопросы – я ответила... А потом он сказал, что Оксана Владимировна уехала, и если кто-то будет ею интересоваться...

У него не нашлось слов благодарности. Он махнул рукой и пошел прочь. Если тетка что-то и говорила вслед, он не слышал.

Через двадцать минут он стучал в другую дверь – звонок не работал. Открывшая женщина узнавалась с большим трудом. Когда двенадцать лет назад она выходила замуж за Лёву Губского, поглазеть на этот божий дар прибежала чуть не вся железнодорожная ментура – кроме тех, что дежурили и находились на задании (эти прибежали назавтра). Теперь время уничтожило даже то положительное, что сохранялось полгода назад. От красоты остались большие глаза цвета бирюзы и завитки кудряшек на лбу. В остальном Светка напоминала рыхлую, плохо слеplенную и неряшливую плюшку.

– Здравия желаем, – сказал Туманов.

О большом здравии речь, видимо, не шла. В руке у Светки дымилась сигарета.

– Ты живой, Туманов? – У нее и голос стал тонким, как сигарета, и бесцветным, как ее дым.

– Я живой, Света.

– А Лёвушка – нет...

Помолчали.

– Я не знал, Света...

Она отступила, подтянув дурацкие трико с проплешинами на коленях.

– Проходи. Только, знаешь, у меня не стерильно...

Он вошел. Из вежливости.

Состояние было омерзительным. Лёву убили в ночь, предшествующую его бегству из Энска. Выходит, когда он поутрае отбивался от чекистов, тот уже был мертв. А ведь по глазам было видно: предчувствовал... Ну почему из-за тебя мрут и пропадают люди? Лёва, Оксачка, Аня Россохина... После ухода от Губской он еще долго шатался по городу, роя ногами рыхлый снег. Побывал у конторы «Муромца» – за свечкой бывшего обкома. Обстановка не претерпела изменений. На горке выселились элитные дома для «людей», чуть поодаль – массив для народа. Над свечкой гордо реял триколор – в здании размещалась временная администрация области (так она себя уважительно и называла: «временная»). У конторы, перед шеренгой разномастных джипов прохаживался молодой милиционер с кобурой – увы, не гигант мысли Костя Рогов. И табличку поменяли: в здании располагался уже не «Концерт «Муромец». Энский филиал», а «Временная Директория РФ. Комитет по госрезервам». Оттого и джипов слетелось несметно. Знают, где поживиться...

Он постоял на пригорке, выкурил сигарету. Наблюдал, как дворник орудует помелом, сметая с крыльца свежий снежок. Куда все подевалось? Гигантский концерт – отлаженный, исправно работающий механизм; не могли его растерзать и растащить по закоулкам. Для этого нужно быть настоящими вредителями. Новые власти на такой беспримерный шаг не пойдут – кишка тонка. Тогда где он? Под какое ведомство перетек, чем занимается? Производит ли наркотик? Ведь в «Муромце» не сплошь и рядом сидели враги (читай, зомби – «заминированные»). И не нужно было их истреблять. Кравцов покойный – не зомби («мертвяки» не воруют так красиво и с размахом), его замы не зомби – даже самые сволочные. Все руководство, со своими плюсами и минусами – Котляр, Барчуков, Туманов... никакие они не зомби.

Что вообще стряслось в стране? Первый месяц в деревне он принципиально воротил нос от новостей. Любой политик (или тусовка) – понятие сволочное, их говорильня – развесистая клюква; сей постулат, принимаемый им когда-то абстрактно, он кожей, горячей от пламени взрыва, ощутил на себе в полной мере. Какая разница, чем кончится? Человек существует для себя, себя он должен кормить и радовать, а добрая сила, тобой руководящая – она тебя же и погубит. Так что тлей понемногу. И не планируй никогда на завтра то, что можно вообще не делать.

Но помалу, по мере прихода в себя, он стал интересоваться. Иногда включал приемник, несколько раз ловил по телевизору искаженный Ижевск (на вновь заработавшем ретрансляторе параллельно вещанию штопали заплаты) и волей-неволей был вынужден признать: новые власти, ангажированные «Бастионом», со скрипом пытаются вернуть страну к положению статус кво. Хоть что-то из обещанного выполняется. А это если и не прогресс, то уже сдвиги.

Людей, правда, при этом в упор не замечали.

Вор в законе Жлыга, он же Шнобарь Виталий Григорьевич, недавно поел. Теперь сидел, развальясь, весь из себя – благодушие, и ковырял в зубах спичкой. В хате было прибрано. На полу дорогое покрытие, стены – под кирпич; в углу видак, компьютер. В чистом окне, на убранном от снега дворике – черномазая «Лянча» с фрагментом личного войска.

– Алмазно! – восхитился вор. – Персона нон грата! А мы и знать не думали, что счастье нам подвалит.

– Я сяду? – не стал скромничать Туманов.

Жлыга махнул рукой.

– Да не спрашивай, будь как дома. Ты какими судьбами, Туманов?

– Праху поклониться прибыл. – Туманов опустил в расслабляюще мягкое кресло. – Как здоровье драгоценное, Жлыга? Клиентура, делишки?

– Скрипим, Туманов. Доскрипываем, – Шнобарь ощерил недавно вставленные зубы. Месяцев семь назад у него таких не было – Жлыга не на царствии сидел, а сявкой был на подхвате и о зубах думать времени не имел.

– Как Крокодил? – поинтересовался Туманов.

– Ах, Крокодил, Крокодил... – Жлыга изобразил беспамятство. – А ты знаешь, Туманов, никак. Кранты Крокодилу. Помер.

– Сам, что ли?

Шнобарь сочувственно поцокал толстыми губами.

– Сам, Туманов. В деревеньку заехал, Киллерово называется.

– А Галеев?

– А обвенчали Галеева. Шесть лет полосатого режима со всеми причиндалами.

– За неправильную парковку? – удивился Туманов. В определенных кругах полосатой называли колонию особого режима.

– Гы-гы, – Жлыга оценил шутку. – За компанию... – И внезапно посерьезнел: – Всех сажали, Туманов. Ты вообще в курсе, что тут в ноябре творилось? Как эти козлы хватили братанов? И головы, как арбузы, летели, словно тут не наша территория, а бахча какая-то...

Туманов покачал головой:

– Бедненькие. Сопереживаю я вам. Ни хрена не знал, Жлыга. Я с гор спустился. Ты мне вот что скажи...

– Слышь, Туманов, а давай лучше в «белую березу» сыграем! – Шнобарь заржал, как конь. – Ты мне вопрос – я тебе: «белая береза», ты – вопрос, я – «белая береза»... И так, пока не проиграю. Сыгранем?

– Подожди, не гони порожняк, – Туманов поморщился. – То есть ты в Ленинке как бы за главного?

– Ну, как бы да.

– Я рад за тебя. А теперь скажи, мы с тобой собачились, когда ты у Гальяна в бригадирах бегал?

Шнобарь наконец соизволил нахмуриться.

– Тебе чего надо, Туманов?

– Я тебя сдал Гальяну, когда ты у него вагон с ширпотребом слямзил – от состава отцепил и по липовым накладным сплавил своим кладовщицам? Да только по ротозейству они осели отчего-то на складах «Муромца». Там и остались. Я хоть полсловом заикнулся?

– Ну, не повезло, – Шнобарь пожал плечами.

– А разве я вам не подкидывал информашку о «махновцах», гуляющих по вашей территории? Не предупреждал тебя с Гальяном о набегах на казино, бильярдные, на гриль «Магистраль»?

– А, я понял, – догадался Шнобарь. – Ты, Туманов, хочешь бабки с меня срубить. Ты чё, тупой?

– Кабы так... – Туманов оживился. – Мне нужны, Жлыга, бабки, работа, жилье и документы. Не сочти за хамство. Вот никак не пойму, почему я не сдал тебя ментам, когда вы с Обжорой замочили двух залетных придурков из Кемерово. Они, кажись, ворованную фуру с оргтехникой толкануть хотели, нет?

Шнобарь захохотал.

– Ну ты и приколист, Туманов. А давай я тебя грохну, а? На хрена ты мне такой умный сдался?

Туманов небрежно отмахнулся.

– Дело хозяйское, Жлыга. Мне по-всякому непруха. Друзей нет, квартиру потерял, с властями – непонимание. Хочешь верь, хочешь не верь, Жлыга, а приплыл я. Последняя сотка баксов за пазухой, и туши свет.

Шнобарь задумался. Почесал золотую цепь на шее. Закурил из позолоченного портсигара и даже предложил собеседнику.

– Ко мне пойдешь работать?

Туманов решительно покачал головой. Но сигарету взял.

– Не, Жлыга, извиняй. Я не бандит, ты же знаешь.

– А чего хочешь? – авторитет недовольно подергал глазом.

– Во-первых, документы. Желательно не сильно липовые. Потом какой-нибудь угол на пару недель, баксов двести до получки; поищешь, да? Ну, и поспрашай там по своим информканалам: парень до сорока, интеллигентной наружности, бывал в передрягах. Работе в незаконных бандформированиях предпочитает работу в законных. А главное, в совершенстве владеет поговоркой «Кто бьет, тому не больно». Ну, ты понял. Подсобишь, Жлыга? Я тебе еще пригожусь – вдруг вырасту...

Жлыга развеселился. Погонял мульку про «строгую госпожу с богатой фантазией», которая «познакомится»; поизгалялся на тему «ищу парня до сорока для совместного похода на избирательный участок с последующим волеизъявлением в кабинке». Но обижать бывшего мента и аналитика не стал. Пожалел.

– Есть два кабака, Туманов. Один на Танкистов, «Греческая кухня». Так, ничего особенного. Найдешь, он где-то в подвале. Второй на клубе Чехова, называется «Старая площадь», там жратва получше. Поотирайся, поговори с людьми. Обстановочка, конечно, та еще: «кишмиш», промокашки, сосульки...

– Сосульки? – пробормотал Туманов.

– Гы-гы, – заржал Шнобарь. – Простейшие сосушки. Не ландыши, вестимо, в весенней Праге, гы-гы, но попадаются и ничего. Ты потусуйся. В «Греческой кухне» найдешь Арама Антонида, прохиндея старого, скажешь, от Жлыги, он смастерит тебе и фотку, и ксиву. В «Старой площади» побухти с барменом, Вадик, кажется. Тоже паренек компетентный.

– Не повяжут меня в вертепах-то твоих?

– Купленная территория, Туманов, менты туда не ходят. Слышал понятие: грамотный инвестиционный климат?.. Ну давай же, дружок, проваливай. Далеко только не пропадай. Про

хату у Кашалота спроси, он тебя пристроит. А про наших зеленых друзей... Эй, Кашалот! – будто растекаясь по столу, гаркнул Шнобарь. – Баксы на бочку!..

Три дня он прожил в частном секторе у какой-то меланхоличной глухонемой бабки, ежедневно выплачивая ей по сотенной «националке». Днем в тоскливой лени болтался по хате, курил без меры, вечерами просиживал в кабаках, потягивая пресную «марганцовку». Народ толкался самый разный. Были наркоманы со шлюхами, были джентльмены удачи не у дел, промышлявшие в поисках работы и от нечего делать закатывающие разгульные тризны. Иногда появлялись молчаливые личности в неплохом прикиде (про себя он окрестил их эмиссарами). Они шептались с барменом, бродили по залу. Иногда находили клиентов и подолгу общались в дальнем закутке, отгороженном от зала винно-пробочными шторами. Случалось, выходили довольные, случалось, не очень. Два или три раза цепляли Туманова. На одно из предложений он обещал подумать. Требовалась охрана на некое строительство в Болотном. Он поинтересовался, кого и зачем охранять. Бесцветная личность в кожаном зипуне вкрадчиво заявила, что ясность наступит на месте при подписании контракта, но деньги предложила немалые и условия проживания – просто курортные. «Шевели мозгой! – возопила интуиция. – Тебя продадут в рабство на сибирские плантации, и будешь до конца дней молотить задаром. Кто о тебе вспомнит? – ни жены, ни мамы...» Тем же вечером он дал себе зарок прежде думать, а потом делать, и немедля впалил все карманные деньги в «фугас» «Белого Бурбона» (явную подделку), которую благополучно и оприходовал. Надрался по-свинячьи. Как добрался до хаты, абсолютно не помнил. Весь следующий день промаялся в четырех стенах, изрыгая в «эфир» эфирные масла и матерки, благо старуха за печкой дальше уха не слышала. К ночи появился, как штык, в «Старой площади» – как всегда забил столик в углу и подал знак разбитным «морковкам»: не доставать.

Человек, подваливший к нему, носил бороду и очки.

– Присесть позволите?

Туманов с деланным безразличием обзрел новоприбывшего. На праведника субъект не тянул. Разве что на праведника, долгое время просидевшего в нефтяной скважине.

– Милости просим, – он придвинул к себе свой стакан.

– Вадик сказывал, вы работу ищите? – человек выразительно кивнул на стойку. Бармен Вадим – ушастый мальчишка в сером армячишке – обслуживал «голубоватую» клиентуру и косил глазом в их сторону.

– Без криминала. И с жильем.

– Документы можно посмотреть?

Туманов помедлил. Глаза незнакомца за стеклами очков были предельно спокойны.

– Прошу.

Он вынул мастырку, обошедшуюся ему у Антонида в сто двадцать баксов и восемь часов рабочего времени. Обрусевший армянин, смешно косящий под грека, не подвел, соорудил ксиву правильную и в срок.

– Неплохо, – незнакомец помусолил паспорт, глянул на свет. – Шумилин, стало быть, Сергей Андреевич. Экспертиза, конечно, похочет, но, думаю, мы ее объедем.

Туманов молчал.

– У вас есть причины скрывать свою настоящую фамилию?

– Не криминального характера.

– Понятно, – человек вернул паспорт. – Меня зовут Валерий Игнатович, я представляю компанию «Сибeko», дочернее предприятие «Росгаза». Продолжать?

– Как хотите, – Туманов пожал плечами.

– Компании требуются неглупые порядочные мужчины, владеющие оружием, приемами рукопашного боя и имеющие опыт работы в охранных структурах. Желателен стаж.

– Поподробнее.

– Доставка грузов, охрана буровых, сопровождение руководителей компании, зачастую с членами их семей. Зарплата первые полгода – триста долларов плюс коэффициент и надбавки. Шестьсот с гарантией. С жильем туговато, но вопрос поставим. Если повезет, это будет комната в Северотайгинске.

Туманов скорчил недоверчивую гримасу.

– Вы так говорите, будто уже наводили обо мне справки. Для человека, впервые подошедшего к моему столику...

Собеседник перебил:

– Все правильно. Вас заметили пару дней назад. Бармен Вадим, которому были заданы наводящие вопросы, сослался на достойного господина по фамилии Шнобарь. Достойный господин не отказал в консультации, – тут собеседник не удержался от ироничной улыбки, – и представил вас таким, каким он вас видит. Получившийся образ провели по картотеке органов внутренних дел... не удивляйтесь, пожалуйста, компания «Росгаз» не видит в этом особых сложностей. Вы пропали без вести, не так ли? Да нет, не волнуйтесь, – увидев, что Туманов беспокойно шевельнулся, говорящий сделал успокаивающий жест, – органам совершенно необязательно знать, что в природе не существует Сергея Андреевича Шумилина. И нам это неинтересно. Мы ценим в людях совсем другие качества.

«Соглашайся, – клюнула в темечко интуиция, – это по твоей части». Интуиции он не особенно доверял. Штука сомнительная – сегодня играет на тебя, завтра – на дядю.

– Я согласен, – сказал он.

Незнакомец кивнул.

– Замечательно. И все же ночь подумайте. Работа тяжелая, график вверх тормашками. И места у нас, скажу вам по секрету, далеко не курортные. Это Сибирь, Сергей Андреевич, с ней не шутят. Лето у нас, конечно, хорошее, красивое, но больно уж снежное... – Незнакомец опять не удержался от улыбки.

– Я согласен, – повторил Туманов.

Человек продолжал улыбаться.

– Не надо спешить. Подумайте. Завтра в это же время мы с вами продолжим. Всего хорошего.

Он встал, аккуратно задвинул стул и, лавируя между столиками, быстро направился к выходу.

Туманов медленными глотками допил стакан с «марганцовкой».

Когда он вышел из бара, был двенадцатый час ночи. Мела поземка. Самое время нарываться на неприятности. Прохожих нет, фонари погасли еще при коммунизме. В районе капитальных гаражей на задворках клуба Антон Палыча на него напали четверо...

Он в любой ситуации старался быть начеку. Вот и сейчас... Но чтобы сразу четверо! Двое вывернули из-за оградки, еще двое покинули темень межгаражного пространства и пристроились сзади. Своеобразной площадкой для панкратиона стал пятачок между гаражами и оградой, плюс захламленная помойка прямо по курсу.

Соображать не было времени. Ситуация не та, что в Киргинцево. Тамошние забияки шли на гоп-стоп и «честно» предупредили о своих намерениях. Эти действовали безмолвно. Напали – защищайтесь, сударь. А откуда он знает, что у них: кастеты, шокеры, НРСы из комплекта «Выдра» (ножи разведчика стреляющие)? Он крутанулся на триста шестьдесят: мол, всех вижу. И чертыхнулся – ни черта он не видит. Четыре бесформенных пятна на снегу, и совсем рядом – вот они, щупальца тянут. Рассредоточились, нет чтобы в колонну по одному, да помедленнее... Уйди из толпы, не стой во всем этом – первое правило окруженного. Он вилял. Теперь помойка была сзади, он их отслеживал, а они сжимали круг, сходясь быстро и почти синхронно. Он отошел на два шага – черное пятно сзади ничем не отличалось от

других, – ударил обратным круговым, продинамив грудину. Задний взвыл «апассионато», а Туманов дернулся назад и обманно – влево. Успел: кулак со свистом резанул воздух вблизи носа. Задний заваливался – не падай, друг; он схватил его за шиворот (курточка-то из кожзама, зябко, поди...), прикрылся, как щитом, швырнул на того, что справа. Да еще и пинка добавил под копчик – по-дружески. Двое встретились, но он уже не смотрел, развернулся, побежал на мусорку – заметил там груды мебели – не то шкаф раскурочили, не то диван. Покопаемся... Вот уж воистину многосторонняя комбинация: доска, выдернутая из свалки, была слишком массивна, но воздух рассекла исправно: бегущий по его стопам по инерции влетел в зону поражения, вскинул руки, защищаясь, но все равно получил в торец и отвалил на сторону. Этот тоже выбыл: в голове его опилки...

Двоих он уломал – один по шею в снегу, другой на коленях и пытается приподняться. Осталось уговорить вторую парочку: та наступала с флангов, но уже как-то без азарта. Показалось даже, по принуждению. Второе правило: уничтожь слабого, а сильного оставь на десерт. Он швырнул доску в того, что казался мощнее (пусть отвлечется), а сам бросился на второго... и пропустил один прямой. В голове вспыхнуло. Кастетом шмальнул, мерзавец. Ладно, не шокером. В ответный удар он вложил всю свою злобу – врезал так, что кулак скрутило. И про второго не забыл, отслеживал краем глаза: тот уже набегал – провел удар грамотный и тонкий: ногой под корпус (как говорится, ниже пейджера).

Злоумышленник загнулся и заорал.

– Так, так, довольно! – Пятая фигура, хлопнув в ладоши, вышла из-за оградки. – Всем спасибо, все свободны!

Пошатываясь, побитая четверка послушно побрела прочь, а вместо нее в поле видимости появились еще трое.

– Да вы сущее дарование, Сергей Андреевич, – заявил потенциальной работодатель, подходя вплотную. – Можно сказать, вундеркинд. Немного потеряли форму, но в целом производите впечатление. Мне понравилось.

– Странноватый какой-то способ познания истины, – проворчал Туманов, потирая отбитый кулак. – Это что за трулялята на вас ищачат?

– А, шушера из бара, – бородатый махнул рукой. – За полтинник готовы себя покалечить. Забудьте о них, они просто мразь. Вынужден представиться вторично, Сергей Андреевич. Меня зовут Черкасов Валерий Игнатович, я являюсь заместителем начальника службы безопасности компании «Сибекко». Будете работать в моем подчинении.

С той поры прошло почти полгода. Он вновь матерел и набирался опыта. Параллельно с ним матерел и выходил из-под контроля государства, захватывая новые ключевые посты в дырявой экономике, и без того влиятельный монополист «Росгаз». Компании требовались люди. Люди сильные и грамотные, способные поставить на колени еще недобитую Сибирь, выкачать из нее все то, что не выкачали за сто лет технического прогресса. Их нужда была вполне объяснима. Происходил безжалостный, хотя и практически легитимный, захват конкурирующих предприятий – фактически нефтяная отрасль перешла в ведение «Росгаза» (битву за престол опустим), гранитовые, горно-рудные, золотодобывающие производства выводились из подчинения государства и местных властей, становясь «сырьевыми придатками» набирающего вес монстра. Через подставных лиц прибирались к рукам городские, далекие от добывающих предприятия, меняли хозяев лесозаготовительные комплексы, комбинаты пищевой промышленности, животноводческие хозяйства. Добыча алмазов стала компетенцией «газовиков»: мировая корпорация «Де Бирс» – империя Оппенгеймеров – поддерживая санкции ООН против «бессмертной» УНИТА, запретила вывоз алмазов из Анголы. А за компанию – практически из всей Африки. Что немедленно привело к росту цен на необработанные алмазы и, как следствие, – к разгрому администрации компании «АЛРОСА», переподчинению и бур-

ному всплеску работ – да не в одной лишь Якутии, а по всему неосвоенному Северу, где алмазов тьма, а проблема лишь в том, как их достать.

Откуда брались на это деньги, мог поведать один «Росгаз». Но он помалкивал, а власти не настаивали – дело-то благое. Объяснялся передел легко и просто: экономике требуется жесткая централизация, и только сила, сохранившая за годы смуты влияние, способна вытянуть за уши идущую ко дну страну. Определенная логика в этом присутствовала. Если временное правительство не может справиться с ситуацией, то следует отдать ее под контроль тому, кто справится и не наделает при этом новых ляпов. Разве не логично?

Туманов и стал одним из многотысячных «энтузиастов», отправленных на грандиозный прорыв. Компания «Сибeko» занималась эксплуатацией скважин среди болот Кетско-Тымской равнины и Туруханской низменности, а также осваиванием новых месторождений. Глубинная разведка шла ударными темпами. Весь цвет геологической мысли, людские резервы, техника, деньги – новый бзик российской политики – всё на благо «Росгаза»! Над нефтеносными пластами ставили буровые, рыли скважины, водружали заглушки, охрану – иначе говоря, консервировали свежее месторождение и переходили к следующему (качать было нежелательно: мировые квоты на нефть никто не отменял). Зачем это происходит, Туманов даже не старался понять. В геологии он был откровенный пень, политики избегал. А если на чем и циклился – то сугубо на узкой специализации. Штаб-квартира компании располагалась в Энске, техническая администрация – в обустроенном на болотах Северотайгинске – где-то на излучинах речушки Вах за 62-й параллелью. Здесь и простиралась база: охраняемые склады, взлетная полоса с аэродромом, мобильный вертолетный отряд. Отсюда и производилось снабжение расположенных в радиусе трехсот верст объектов. До конца марта он работал рядовым «попутчиком»: кочевал с грузом по тайге, летал на вертолетах, возя продовольствие, аппаратуру, зарплату. Уже тогда твердо усвоил: полагаться на силу рук – глупость невероятная. Ничто не забыто. Охранник должен быть вооружен и смертельно опасен – даже в малонаселенной тайге. Двадцать третьего февраля конвой подвергся нападению – как раз в момент перегрузки из «Ми-8» в «КамАЗы» партии безумно дорогой аппаратуры для контроля над бурением. Кому понадобилась аппаратура? Она специфична – как цифровой измеритель колеи для двух железнодорожных рельсов (применим только по назначению). Бородатые мужики, на вид неотличимые от секьюрити «Сибeko», на лыжах вышли из леса и положили всю смену каравана. Туманов и еще двое с «вертушек», прибывшие на разгрузку, еле отбились: хлестались с «грибниками» в ближнем бою, на ножах – как мушкетеры с гвардейцами кардинала. В итоге одного потеряли, троих отправили к дьяволу, двоих взяли в плен, но долго пожить не дали: озверев от потери классных парней, замочили на месте – чего с ними валандаться? Где тут в вашей тайге ближайший суд с прокурором? С тех пор он был во всеоружии: на боку сверхудобный 9-мм «Каштан», в кобуре под мышкой малогабаритный «кольт» с двенадцатью патронами, на правой щиколотке – сцепленные зажимом ножны «мини» со швейцарским «Брайзерз» (гарантией качества в любом уголке земного шара). За оружием следил, как за девушкой, – лишний раз предпочитал почистить пистолет, а не зубы. За тот бой он получил поощрение: двойной оклад на счет в муниципальном банке Энска и крохотную комнатку в Северотайгинске (до этого обитал при штабе – спал на матрасе в «ленинском уголке»).

– Молодец, – похвалил Черкасов. – Только озаботься, чтобы впредь подобных сюрпризов не было. Не инструкцией единой живем. Книга книгой, а мозгами двигай. С первого марта ты руководитель группы безопасности «Барс-3».

Отныне под его началом числилось тридцать шесть человек. Три дюжины крепких ребят, вооруженных помповиками «Иж». В дальнейшие месяцы – ни единой потери, обеспечение объектов на «пять» и даже одно обезвреживание банды живодеров, вырезавших людей в поселке промысловиков Майское. Бандюг, естественно, постреляли на месте поимки, а Туманову дали внеочередной отпуск – как наиболее отличившемуся.

– Поезжай куда хочешь, – недовольно сказал Черкасов, – хоть в Сочи – там нынче покойно. 19-я дивизия ВДВ покой курортников надежно стережет. А денег тебе на пять Сочей хватит. Но я бы не советовал. Когда вернешься с юга, очень трудно взяться за работу, по себе знаю. Да еще марьяж какой-нибудь подцепишь. Так что дуй-ка лучше в Энк, поброди по театрам, киношкам; глядишь, от безделья и по нам заскучаешь.

Он поехал в Самару, к сестре, где его приняли за ожившего покойника. Убедившись в его подлинности и материальности, Ленка бросилась на шею, заревела в захлеб. А Лешка-племяш, после известных событий ставший изрядно приторможенным, пристроился к нему хвостиком, да так и ходил, наступая на пятки, пока не истекли три недели. Капитально разжалобленный, он оставил сестре последние деньги, а сам вернулся на грузовом борту, летающем по «газовому» контракту.

– А у нас тут дискотека, блин, – встретил Черкасов отпускника. – Прыгаем кузнечиками. Открыли новые скважины под Верхневарово – так косяком пошли комиссии из Престольной, оборудование потоком; ребята, как заведенные, уже вешаются... Ты где вообще был?

– В Самаре, – вздохнул Туманов. – У сестры.

– Ах, беспокойная я, – крикнул Черкасов. – А на Курейке, между прочим, среди графитовых залежей нашли золотоносный пласт. Случайно. Аж сияет, зараза. И на кого, ты думаешь, теперь повесят это дело?

– «Зато из золота мы будем делать общественные уборные», – процитировал Туманов Владимира Ленина.

– Ты в них работать будешь, в уборных, – хмыкнул Черкасов, – если не перестанешь хамить. Словом, слушай. Послезавтра вылетаешь в Верхневарово, заменяешь Колесникова – он временно командует твоей бандой. А сегодня-завтра, уж подвинься, предстоит слетать в Заангарье.

– Это как?

– Молниеносно. Дурочку не строй. У нас в гостинице сидят несколько типов из столицы. Работают в головной конторе, из «особо приближенных к императору» – так что открыто не пошлешь. А летят на отдых. У них база в Медвеьем ущелье, называется «Орлиная сопка». Примерно в ста км юго-восточнее Ярцево, на Кряже. Их вчера привезли грузовым бортом. Скандалисты, будь они неладны... – Черкасов тихо выругался. – Ждать не хотят, но и лететь без сопровождающего отказываются. Обещают пожаловаться. Хочешь пистон от начальства?

– А я им нанялся, что ли? – проворчал Туманов.

Черкасов зловеще скрипнул зубами.

– Ты мне нанялся.

– Ладно, полегче. – Туманов обреченно вздохнул. – Кто такие?

– Двое с бабами, третий с дочкой. Ребенку лет четырнадцать. Единственный, кстати,личный человек на всю компанию. Лимоны жрет без конца: кислотность у нее пониженная. А мужики бухают по-черному – дорвались. Баб своих костерят, персонал на сто рядов обложили, кричат, что мы не даем им отдыхать и, вообще, Родину продали. Ты уж пожеливее с ними.

– Куда их отвезти? До первого колодца?

– До Столбового на «аннушке», а там перешагнешь кряж – минут сорок на вертолете – и бегом обратно. Уж окажи любезность, Сергей Андреевич, или как там тебя...

Что такое случайность в потоке закономерности? Почему один и тот же мир то распадается на созвездия и туманности, то вдруг становится тесен, как один гроб на двоих?

Когда третьего июля в семь тридцать утра самолет сел в компактном поселении Столбовом – на перевалочной базе вахтовиков, – поднадзорные еще не протрезвели. Их загружали в Северотайгинске пьяных в дупель, они грозились разнести в пух и прах и тех, кто поднял их ни свет ни заря, и «весь этот долбаный воздушный флот».

Пожелав счастливо повеселиться, пилот задрал шлюзы и полетел дальше, в Туру. С фактории газовиков прислали старенький «уазик»-микроавтобус – отвезти дорогих гостей к вертолетной площадке. Но на краю городка их поджидал негаданный отлуп: вертолетов не было. Площадка – была, башня – тоже, а машины вдруг куда-то дружно улетели. Пользуясь полномочиями, Туманов влетел к диспетчеру и потребовал объяснений. Нет вертолетов, товарищ, ответственность бледный парнишка за пультом. Обе свободные машины в час двенадцать ночи подняли по тревоге – где-то на плато в лесоповалах вспыхнул бунт, и срочно потребовалось эвакуировать людей.

– Но уже восемь угра! – тихо зверея, простонал Туманов. – Прошло семь часов, как их подняли!

Диспетчер опасливо пожал плечами.

– Пилоты на связь не выходили. Мы тоже не можем до них достучаться. Потерпите, товарищ, несколько часов.

Туманов сник. Он-то охотно потерпит, но где взять столько нервных клеток...

Шум, конечно, стоял неопишувемый.

– Мы не потерпим над-другательства! – орал, пошатываясь, толстяк Русаков – вдовец из центрального департамента планирования и разведки. – Мы будем жаловаться высшему начальству, и я обещаю клятвою – оно вас уволит! Вы доиграетесь с огнем!

Был бы запевала, а подголоски – вот они.

– Нас ценит сам товарищ Корнеев из аппарата Комитета по геологоразведке! – подхалимисто вторил некто Раневич, потопе и покороче первого.

– И если он узнает, что ценных работников департамента держат за быдло, ему это очень не понравится! – грозил пальчиком третий, некто Сынулин, худошавый и задиристый.

Туманов скрипел зубами. Эх, дай ему волю, он бы от этих чинуш места мокрого не оставил, не то что ублажать их, лелеять...

Хорошо, хоть бабы не выступали. Блондинистая строила Туманову глазки, а вторая, почернявее и поскромнее, откровенно спала, уютно свернувшись на баулах. В ее ногах сидела худенькая «джинсовая» девочка с косичками и с задумчивым видом вертела лимон.

– Эй, командир! – орал, зеленея, Русаков. – Ну сделай же что-нибудь, мать твою растак! Доколе нам тут корчиться?

Через полчаса, чувствуя, что уже взрывается, Туманов отбил с фактории депешу в Северотайгинск: мол, так и так, командир, что делать?

«Не гони пургу, коллега, – с издевкой ответил Черкасов. – Подумай хорошенько, прояви смекалку, выдержку. Лажанешься – орден не проси».

Бросить туристов на произвол он не мог. Работой надо дорожить, даже когда работа нервная.

– Далеко до вашей базы? – сдерживая ярость, он обратился к Русакову.

– Откуда я знаю! – заорал толстяк. – Верст триста! Четыреста!

– Двести двадцать, – жеманно проинформировала блондинка.

– Откуда ты знаешь? – рявкнул коротышка Раневич.

– А от верблюда, – огрызнулась блондинка. – Все приличные люди там давно отдохнули и всё рассказали, одни мы чего-то жмемся. Двести двадцать, – отчеканила она, влюбленно глаза на Туманова.

– По воздуху, – уточнил он.

– По нему, – согласилась блондинка.

– По дороге двести пятьдесят, – проснулась брюнетка. – На северо-запад до Услачей, а потом... а потом после Услачей. Мне Ленка Коробеева рассказывала, она с мужиком ездила на джипе от Столбового – засекали по спидометру. Шесть часов тряслись, тоже вертолета не было.

– Покажете?

– Покажем! – хором взревели отдыхающие, а брюнетка добавила: – Не заблудишься, красавчик, тут одна дорога.

Причина, по которой они так дружно согласились ехать хлебать киселя за триста верст, стала ясна позднее.

– Я не поеду, – испугался шофер «уазика». – Я что, с березы шарахнулся? И не орите на меня, я человек гражданский, мне ваши приказы – вон, как тому коню... – Он ткнул пальцем в мирно пасущееся за башней животное.

– Да и хрен с тобой, – сдался Туманов. – Брось на корму три канистры с бензином и фуфаяк натаскай в салон – да погрязнее, смотри, и побольше. Можешь замочить их в какой-нибудь хлорорганике, не возражаю. Пушай дрыхнут, с-суки... И телеграфируй в Северотайгинск Черкасову: «Не вернусь, считайте коммунистом».

– А вдруг вернетесь? – ощерился шоферюга.

– Тогда не считайте!

Грузились на удивление споро – весь «квартет АББА» и папаша с пигалицей. Девочка села с ним рядом, остальные шумно наполняли салон за тонкой стальной перегородкой.

– Извозчик, н-но! – загоготал Русаков.

Женщины заулюлюкали, мужики засвистели. Раздался недвусмысленный звон стекла – похоже, у туристов имелся добротный походный запас. Действительно, почему не прогуляться с ветерком?

– Как мне все это надоело... – прошептала девочка.

Туманов скосил глаза. Ребенок был не маленький, голубоглазый, курносенький. На вид лет тринадцать-четырнадцать. Несчастный возраст. Самая пора, когда начинаешь понимать «про жизнь», но ничего не можешь изменить, поскольку решают за тебя.

– Ну и сидела бы дома, – проворчал он, заводя мотор. – Нечего по тайге шастать.

– Отец у меня такой... бестолковый. И памятный, – девочка жалобно и не по-детски вздохнула. – Сказал, поедешь со мной, или никаких тебе каникул. Он на тетке одной жениться хочет, – девочка посмотрела Туманову в глаза. – Тетка тоже приедет на «Орлиную сопку». Но только не с нами, а с другой группой – из Петербурга... Он жениться на ней хочет, – повторила она. – А я не хочу. Он и так пьяный – дурак. А будет их два дурака. Знаешь, как она пьет?

– Мама умерла? – без экивоков поинтересовался Туманов, выезжая на пыльную улочку Столбового.

– Умерла, – кивнула девочка. – В прошлом году, восьмого марта. Они с отцом сцепились по пустяку, она понервничала – ну и... умерла ночью от инфаркта.

– Плохо, – посочувствовал Туманов. – Ты в какой класс перешла?

Она вызывающе вскинула глаза.

– В восьмой. А ты?

Он засмеялся.

– Не смейся, – проворчал ребенок. – Я уже взрослая девица. У меня даже молодой человек имеется. Он меня любит и обещает жениться. А вот ты не женат.

– Это почему?

В голубых глазенках проснулось оживление.

– А ты брился недавно, значит дома был. А воротничок пришел желтыми нитками. Совсем не соображаешь. И рукава у тебя сальные. Ну скажи, какая нормальная жена отпустит мужика на работу с сальными рукавами?

– Так то нормальная, – проворчал он.

Хотя действительно, последний раз он свой прикид стирал в апреле. Но, учитывая отпускной июнь, это не так уж плохо. Тоже мне чистюля.

– Заткнись, Алиса, – толстощекая репа Русакова втиснулась в узкое оконце. – Эй, командир, блин, ты вообще откуда?

Туманов стиснул зубы.

– Ась, мужик?..

– Город Муром, село Карачарово, – процедил он неохотно.

– Деревенский, стало быть, – ослабилась репа. – А чего гонишь, как на пожар? Ты хоть чокнуться-то нам дай, а, мужик? Тебя как по батюшке?

– Туманов...

Аж холодом продрало. Вот так номер. Ты что, боец? Первый звоночек по твою старость? Или день такой невезучий?

– Хреновый у тебя батюшка! – Русаков по-свински заржал и убрался.

– У тебя, Алиса, тоже, – не сдержался он.

– Кобелина старый, – невпопад прошептала Алиса и отвернулась к окну.

Туманов сбросил скорость. Аккуратные домишки Столбового остались позади. Равнина кончилась. Проселочная дорога, заросшая по обочинам полынью, петляла к изящно очерченным сопкам Енисейского кряжа. Кручи покрывали леса – густые, плавно опадающие к подножьям и в утренней дымке кажущиеся неровным ворсистым ковром, наброшенным на голые камни.

Издали характер леса не читался. Он мог быть и непролазным, как джунгли, а мог – и солнечным, открытым – идеальным парком для прогулок с дамой.

– Водка в жизни не всё! Но без водки всё – ничто! Афоризм! – провозгласил кто-то визгливый. Последовал дружный рев и звон посуды.

– Нажрутса, как всегда... – Алиса поежилась. – Слушай, Туманов, а ты пьешь?

Он пожал плечами.

– Да как-то так... Бессистемно.

– За что гудим?! – ревел Русаков.

Протяжно, на мотив «Во саду ли в огороде», блондинка затынула:

– Чтобы елось и пилось!..

Брюнетка подхватила:

– Чтоб хотелось и могло!..

Дружное «ура» без тормозов стало венцом вышеспетого. Полное одобрение тоста и провозимой политики. Пóшло.

– Фигня какая, – фыркнула Алиса.

– Только ты не ругайся, ладно? – нахмурился Туманов. – Хватит нам и этих... – он со злостью плюнул в окно, – вокалистов.

Лес стоял стеной. В сумрачных дебрях даже не было ощущения, что едешь по холмам. Могучие кедрачи заслоняли небо, корни выбирались на дорогу, стелясь причудливыми узорами. Приходилось до минимума снижать скорость и переползать через преграды, как в городах стреноженные лихачи переползают «лежащих полицейских». Так продолжалось часа три.

Услачи лежали в низине – дохленькая деревенька дворов на пятьдесят. Пространства для жизни крайне мало – дома жались друг к дружке, оставляя в просветах лишь узкие делянки огородов да миниатюрные садики с преобладанием ранеточного хозяйства.

Звонкая речка рассекала деревню на две части. Придерживая тормоз, Туманов провел машину по утлым мосткам (под сваями блеснул косяк убегающих рыбешек) и поднялся на правый берег. Похоже, в деревеньке проживали одни пенсионеры – кто еще согласится жить в глухомани, имеющей с миром лишь одну связующую ниточку, и ту непролазную? Смахивающие на староверок старушки в платочках сидели на завалинках и щурились вслед уходящей

машине. Пару раз попадались мужики – плоть от плоти «гомо-советикусы»: один с ведром, другой с лошастью.

На выезде из Услачей, перед глубокой ложиной, в которую, точно в пропасть, проваливалась дорога, он остановился. Колея раздваивалась. Еще одна дорога (две полосы примятой травы) в пику первой забирала вверх и пропадала за ближайшей глинистой осыпью. Получалась как бы вилка с двумя полярно разогнутыми концами.

«Забавно, – подумал он. – О таком не договаривались».

В салоне битых полчаса царил тишина. Будить выпивох не хотелось. Алиса тоже вздремнула, забравшись с кроссовками на сиденье. Головка с тугими косами покоилась на кожухе мотора, губки трогательно выпускали пузыри.

Он закурил. Лохматый деревенский пес с разными ушами вразвалочку подошел к левому борту и, подняв заднюю лапу, пристроился у колеса. Завершив процедуру, вскинул голову, внимательно посмотрел на Туманова. Не встретив понимания, вздохнул и поплелся к огородам.

Сигарета кончилась. Делать нечего. Он обернулся и просунул голову в салон. Дух перегара витал смертельный. Потрудились. Все вповалку. Не салон, а комната смеха. Русаков с голым пузом лежал на чужой брюнетке и заливисто храпел. Еще двое, обнимая лоснящиеся от мазута бушлаты, тоже спали. Бодрствовала одна блондинка (если состояние клинической прострации можно назвать бодрствованием). Она сидела в углу на груде тряпья, покатывала пустой штоф «смирновки» и взирала на Туманова взглядом болотной жабы. То есть неприятным.

– Хай, Долли! – поздоровался Туманов. – Я шофер. Чего печалимся?

– А я Надя, – прошептала блондинка. – Иди ко мне... Щелкунчика хочу...

– Не могу, Надя, – Туманов соорудил гримасу большой жалости. – На службе нам нельзя. Приходи после службы. Тут, знаешь, Надежда, ситуация какая-то неправильная. Перед нами две дороги: одна чуть влево, другая чуть вправо. Нам, извини, куда?

– Мужик, ты задолбал, – недолго думая, сообщила блондинка и громко икнула. – Вот видишь, правильно. Ты пораскинь головой. База, она где?

– Где? – не понял Туманов.

– Там, – блондинка показала пальцем вниз, – Северо-восточнее Столбового. А мы ехали куда?

– Куда?

– На се-е-евер. Так объясни мне, дурашка, какого рожна нам ехать налево, если надо ехать направо – туда, где северо-восток?

Туманов молчал, пораженный простотой и доступностью женской логики.

– Ну, в принципе... – он почесал затылок.

– Так иди же к своей колбаске, – блондинка, позабыв про прострацию, широко распахнула объятия, приглашая в гости.

– Не-е, – он всеотрицающе покачал головой. – Не могу, извини. Я не архангел Гавриил, но себя уважаю.

Непонятно – как люди умудрялись ездить по этой дороге! Словно нарочно – то яма, то канава... Сомнительный какой-то лес. То крутые подъемы, чередующиеся обвальными спусками, то всевозможные преграды – камни, осыпи, корневища. И лес густой без единого просвета – на всем пути. Отвлечься от дороги невозможно, слишком много таится в ней сюрпризов. Поэтому, когда мелькнул просвет и пугающей бездной вынырнуло глубокое ущелье, будто мхом покрытое лесом, ему даже не представилась возможность осмотреться. Мельком глянул на часы – 13.31, и опять на дорогу. Резкий спуск и въезд на шаткий мост, устланный бревнами. Вцепившись в руль, он держал трясущуюся машину, видя перед собой лишь неровный накат, медленно исчезающий под колесами. Тут станешь дерганым. Градус влево, градус вправо – и привет... Только перевалив на ту сторону, он отдышался. Поднялся на открытую террасу

посреди склона, осмотрелся и с чувством глубокой радости обнаружил теремок, утопленный в глубину террасы. Прибыли.

Он остановился на площадке перед домом и собрался растолкать Алису. Но девчонка уже не спала. Разбуженная тряской, она позевывала и протирала глазенки.

– Вообще-то мы ехали на озеро, – пробормотала она и стала озирать лесистый склон на другой стороне. Туманов проследил за ее взглядом и – удивительно! – не смог обнаружить расщелину за мостом, из которой он только что вынырнул. Все приподнятости и овраги за обилием сочной зелени сливались в одно целое. Создавался убедительный обман – иллюзия сплошного, стремительно падающего в обрыв склона.

Черт возьми, это было красиво.

– Не беда, Алиса. Побродишь по округе, будет тебе и озеро, и страна чудес. И миллион удивительных загадок и открытий. Эй! – Он забарабанил в металлическую перегородку: – Застава, в ружье!

Кто-то закричал, загремела пустая бутылка. Исполненный страданий матерок забился в четырех стенах.

– Туманов, я не хочу, – девочка умоляюще закатила глазки. – Зачем ты меня сюда привез? Увези меня обратно, Туманов...

– Вот черт, – сказал он. – Слушай, Алиса, твой пращур тебя что, лупит?

В глазенках заблестели слезы.

– Нет, Туманов, не лупит. Никогда не лупит. Всё обещает и не соберется. Он меня просто не любит. А вообще он дядька неплохой, его на работе уважают, соседи дурного не скажут... Вот только когда нажрется, становится дурак дураком и слов своих не держит, и орет на меня, как дехканин на ишака...

– Когда я пьян, а пьян всегда я... – задумчиво протянул Туманов. – Ничем не могу помочь твоему горю, дочка. Извини. Для киднеппинга я староват.

– Ты – староват? – Алиса скорчила уморительную мордашку.

Он рассмеялся.

– Выйду из тюрьмы совсем горбатенький. Ну все, прощай, Алиса.

«Уазик» уже содрогался. Горе-туристы выбирались из салона. Мужики матерились, бабы нервно хихикали.

– А Ленка говорила, тут озеро под домом... – донесся писк брюнетки. – И ущелье как бы в стороне, а оно вот, рядом...

– Почему нас не встречают? – стал ругаться болезненно тощий Сынулин.

– А ты что, звезда эстрады, встречать тебя? – похохатывая, сказала блондинка. – Утрись, дорогуша.

Сынулин ответил грубостью. В том плане, что Надежда и сама не ярчайшая звезда в созвездии (что было совершенно правильно). Блондинка не осталась в долгу. Разгорелась полемика.

– Ладно, пойду я... – Алиса вздохнула и выбралась из машины.

– Счастливо тебе.

Оставшись один, Туманов закурил. Стал смотреть в окно. Красота природы, сотворившая из клочка Енисейского кряжа необычайное чудо, завораживала. Освещенные солнцем шапки леса переливались золотом, играли в ярком свете желтого и голубого. Складывалось впечатление, что все елки в лесу – новогодние, а время непростительно дало маху, включив не тот сезон. В Западной Сибири он таких красот не видел. Может, плохо смотрел? Или замечал только то, что таило опасность – вроде болот, оврагов, колючего кустаря?

Что с ним? Внимание стало расплываться. Туманов тряхнул головой, сбрасывая оцепенение. Что-то необычное учуял он в этой тайге. Какое-то новшество, не связанное с красо-

той. Интересно, какое? В мистификацию потянуло на старости лет? Или реликтовый гоминоид сидит на опушке и сверлит его взглядом, а он его чувствует?

– Эй, шоферня! – прыщавый нос Сынулина возник по правому борту. – Чегой-то тут тихо. Ты уверен, что это «Орлиная сопка»?

Туманов разозлился. Такое впечатление испортил, мерзавец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.